

нецензурную
18+
содержит

Дмитрий
Бавильский

КРАСНАЯ ТОЧКА

Живой, трогательный,
завораживающий
достоверностью роман
о молодых людях двух
навсегда ушедших эпох.

Владимир Сорокин

Русский Декамерон

Дмитрий Бавильский

Красная точка

«ЭКСМО»

2020

Бавильский Д. В.

Красная точка / Д. В. Бавильский — «Эксмо», 2020 — (Русский Декамерон)

ISBN 978-5-04-113725-0

Действие романа разворачивается весной 1983 года, во времена, сильно напоминающие наши... Облавы в кинотеатрах, шпиономания, военный психоз. «Контроль при Андропове ужесточился не только в быту, но и в идеологической сфере. В школе, на уроках истории и политинформациях, постоянно тыкали в лицо какой-то там контрпропагандой, требовавшей действенности и сплоченности». Подростки-восьмиклассники, лишенные и убеждений, и авторитетных учителей, и доверительных отношений с родителями, пытаются самостоятельно понять, что такое они сами и что вокруг них происходит... Дмитрий Бавильский — русский писатель, литературовед, литературный и музыкальный критик, журналист. Один из самых интересных и еще не разгаданных, жанрово многообразных современных прозаиков. Работает на стыке серьезной литературы и беллетристики, его романы динамичны и увлекательны. Сюжетное повествование часто соединяется с эссеистикой.

ISBN 978-5-04-113725-0

© Бавильский Д. В., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Отзывы	7
Пока все дома	11
Красная точка	20
ЫМБШ	21
Момент истины	22
С видом на кладбище	23
Экскурсии и обед – по расписанию	24
Особенности советского барокко	25
Смена времён кода	26
Фокус фокуса	27
Домашнее задание	28
Родительское собрание	29
Тысячеглазка	30
Нам не дано предугадать	31
Часть первая. Первый подъезд	32
Куйбышева, бывшая Просторная	32
Слова народные	32
Онтология Параши	33
Разговорчики в строю	33
Занятия по технике зрения	34
Тщета материи	34
Сквозь новые очки	35
В рапиде	35
Кланчик первого подъезда	36
Тайна рядом	36
Преддверье	36
Слепая курица	37
Но и это ещё не всё	37
Последний становится первым	38
Обратила внимание	38
Киностудия имени Довженко	39
Бледный пламень	39
Пионер-герой	40
Пробуждение	40
Тайная комната	41
Советские переплёты	41
Логика страсти	42
Понедельник начинается	42
Базовый инстинкт	43
Пароли и явки	44
Скорость света	44
Утопия на марше	44
Рыбак рыбака	45
Облатка по-советски	45
Уроки міра	46
Боттичелли по-чердачински	46

Белый шум	47
Бычий цепень	47
Последыш	48
Амон Ра	48
Золотой запас	49
Кружатся диски. Проект	49
Бомба по фамилии Тургояк	50
Пустые комнаты	50
Скатертью дорога	51
Бриллианты Инны Бендер	51
Заначка	52
Квартира контрастов	52
Самое простое приключение	53
Жители советского лимба	53
«Les feuilles mortes» («Опавшие листья»)	53
Подпольный обком действует	54
О пользе воспоминаний	54
Нехорошие эмоции	55
Не ждали	55
Философия фамилии	56
Половина мотороллера	56
Улитка на склоне	57
Приготовление к ритуалу	57
Бытовая магия	58
Инициация по-советски	58
В башне под самой крышей	59
Вересковые пустоши	59
Зеркало души	59
Песня не прощается с тобой	60
Отдушина	60
Как важно быть несерьёзным	61
Прекрасна без извилин	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дмитрий Бавильский
Красная точка
Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Бавильский Д., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

ОТЗЫВЫ

Поскольку сквозная мысль всех моих писаний в этой рубрике – идущее в сегодняшней словесности и мысли размывание устоявшихся жанровых форм и проблематизация привычных жанровых границ (а также то, ради чего это делается), из августовских чтений первым приходят на ум главы из романа Дмитрия Бавильского «Красная точка», опубликованные в восьмом номере «Нового мира» – о взрослении в позднесоветские и сразу-постсоветские годы. Понятно, что для полноценного суждения правильнее всего иметь роман перед глазами в целом (тем более что, насколько мне известно из тайных источников, сама «Красная точка» – только первая часть трилогии), но многое уже видно.

Автор, не раз высказывавшийся в разных форматах об исчерпанности вымысла вообще и традиционного (а уж тем более – так называемого реалистического) романа в частности, уместил в оболочку вполне традиционно на первый взгляд организованного текста штучную смысловую работу. Читатель, пытающийся уловить её суть каким-нибудь из традиционных сачков, – промахнётся. Этот текст – не то, на что он похож. Это не роман воспитания (с сопутствующим этому процессу преодолением прежних состояний в пользу новых, предположительно более совершенных). Это не критика советского опыта и уж тем более не ностальгия по нему (между автором и советским опытом, из которого сделаны люди его поколения, – жёсткая дистанция наблюдателя, без отталкиваний и очарований). Это и не совсем антропология советского человека (хотя такое определение, кажется, уже ближе). Это не история личных смыслов, не автобиография (хотя автор, без сомнения, пользовался автобиографическим материалом – в том числе и в собственных, внутренних целях самопрояснения).

Текст реалистичен дальше некуда, почти без метафор, чистая хроника: сухая, скупая, имеющая единственной своей задачей достижение максимально возможной точности. При чтении мне не раз приходило на ум словечко «post(non)fiction»: в общем-то ведь автор ничего не выдумывает, разве что реальность показывает чуть смещённой: немного другие имена, немного не те факты... Текст пользуется в своих целях ресурсами вымысла и невымысла одновременно.

Штука в том, что созданный Бавильский из явно автобиографического материала главный герой, Вася Бочков – «человек без свойств». Он – несмотря на то, что вписан во множество конкретных координат: времени (поздние семидесятые – ранние восьмидесятые), места (большой индустриальный город, областной центр – притом с подробной топографией реального челябинского пространства), семьи, соседей, школы, личных пристрастий, вещной среды... – точнее, благодаря всему этому, – задуман абсолютно прозрачным: как средство наблюдения. Дело здесь не в нём. Ни в ком вообще.

При этом ни Вася, ни другие персонажи – не типы, не обобщения. Каждый из них – именно что частный случай.

Все частные координаты работают здесь как средства наблюдения над главным предметом интереса автора: над взаимоотношениями человека и времени (собственно, сюжет тут один-единственный: вращение человека во время, в свои заданные историей обстоятельства). Шире: над тем, как общечеловеческие структуры того самого взросления-воспитания проецируются на доставшийся герою волею судеб исторический материал; ещё шире – над взаимоотношением общечеловеческого и частно-случайного, над тем, как два этих начала формируют друг друга. Весь конкретно-исторический материал, всё обилие тщательно собранных памяток и наблюдением внешних подробностей – средство проникнуть авторским и читательским вниманием на внутреннюю сторону происходящего, туда, куда крепятся узелки всех нитей, образующих внешний узор. Из предшественников автора в первую очередь приходит на ум Пруст – работавший на совсем ином материале, но делавший нечто очень родственное: иссле-

довавший микроструктуры существования во взаимодействии с его макроструктурами (взрослением, привязанностями, дружбой, любовью, смертью, историей).

«Вася смотрит в пыльное окно трамвая, идущего возле татаро-башкирской библиотеки к стадиону „Локомотив“; видит себя со стороны – все эти чужие, законсервированные интонации „взрослого отношения“ к жизни: немного усталого, немного циничного, всепонимающего. С налетом легкой иронии. У него со страстью всегда так – стоит войти в клинч, и сознание будто раздваивается на себя и себя, приподымается на подмышках над реальным телом и наблюдает за собственными реакциями, включая дополнительный глаз.

Значит ли это, что сейчас, в третьем трамвае (среди редких людей, которым он точно не видим), его плавит и буравит медленная страсть? Значит ли это, что страсть – это когда тебя так много, что ты перестаешь вмещаться в тулово, отведенное тебе для обыденного существования. Вот и раздваиваешься, точно выплескиваешься за границы тела, вырываешься из грудной клетки вовне».

Это – роман исследовательский, антропологический, требующий от читателя не традиционных сопереживания и воображения вплоть до отождествления с персонажами (этого как раз точно не требуется; сам автор отчуждён до рассудочности), но – что гораздо труднее и неочевиднее – аналитического понимания.

Ольга Балла

Творческое мышление Дмитрия Бавильского – это глубина и еще раз глубина, сложность и тонкость, пристальность и чуткость. Его тексты – драматическое и виртуозное воплощение методологических, смыслопорождающих, речевых задач, «когда, – как говорит он сам, – метаморфоза идёт постоянно, не прерываясь, делая каждый абзац значимым и одновременно проходным, открывающим новую степень близости к горизонту... Важно создать читателю среду обитания, которой он может распоряжаться по своему усмотрению» (из интервью Ольге Балла – Textura.ru, 12 апреля 2018). В романе «Красная точка», признается автор в том же интервью, «я поставил себе и решал максимальное число новых технических задач практически на всех текстовых уровнях. Например, мне было интересно придумать эквивалент прустовскому „В поисках утраченного времени“, но не подражательно, а методологически – чтобы разработать, как это я для себя называю, „структуру бесконечного текста“».

Для меня, человека социологизированного, грубого и нечуткого, вся эта глубина пропадает втуне, а «Красная точка» встает в ряд тех романов, которые повествуют о подростках и молодежи позднесоветских поколений и о том идейно-моральном багаже (точнее, его отсутствии), с каким они пришли к историческому перелому конца 80-х и новой реальности 90-х.

В опубликованных главах действие начинается весной 83-го года, во времена одурелой андроповщины (куда мы сегодня опять вкатились). Облавы в кинотеатрах, шпиономания, военный психоз. «Контроль при Андропове ужесточился не только в быту, но и в идеологической сфере. В школе, на уроках истории и политинформациях постоянно тыкали в лицо какой-то там контрпропагандой, требовавшей действенности и сплоченности».

Подростки-восьмиклассники, лишённые и убеждений, и авторитетных учителей, и доверительных отношений с родителями, пытаются самостоятельно понять, что такое они сами и что вокруг них происходит. Главный герой Вася гораздо позже сможет сформулировать: «ощущение бесконечного тупика и беспросветной баньки с пауками, из которой нет ни входа ни выхода...» Да, читатель понимает, что формулировка возникла тогда, когда Вася уже прочитал «Бесконечный тупик» Галковского и «Generation П» Пелевина. А тогда, в 83-м, подростки только учатся говорить своими словами (школа вбивала в них только бессмысленную трескотню): одноклассникам Васе и Марусе первая попытка говорения выпадает во время путешествия – на троллейбусе, с пересадками, с одного конца Чердачинска на другой. «Васю вдруг

осеняет: А ведь это последнее лето нашего детства. Старшие классы – это уже и не детство вовсе...»

В детях начала 80-х уже недостаточно страха, а бесконечные «нельзя» от взрослых лишены морального содержания – по сути, подростки полностью предоставлены самим себе и на ощупь стараются найти то, что им надо. А что надо, они не знают. Что-то они находят в Диккенсе, что-то в журнале «Америка», что-то во хмелю и сексе, что-то в мистике... «Русские демоны долго дремлют и еще дольше запрягают, но однажды, прорвавшись наружу и сломав шаблон, внутрь не загоняются».

Действие опубликованных глав сконцентрировано в начале и конце 80-х годов, хотя доведено до 1999-го.

Роман выстроен короткими главами, названия которых складываются в горько-саркастическое стихотворение в прозе, посвященное той эпохе, в которую угодили дети: «Первое следствие дурацкого дела. – Русские народные сказки. – Идеологическая диверсия. – Диссида зеленая. – Расклад и разлад. – Памяти Герцена. – Выезд из коробки. – Поворот на Свердловский проспект. – Долгая дорога в дюнах. – Разговоры ни о чем. – Зита и Гита спешат на помощь. – Слепая ласточка. – Хромая судьба...»

Слепая ласточка Васиной души вынуждена определяться в политической реальности – например, в президентских выборах 1996 года: «во втором туре, требовавшем голосовать не головой, но сердцем, пошли уже такие откровенные непотребства, что Вася, раз и навсегда, запретил себе участие в подобном унижительном обмане».

Жизненное кредо, к которому приходит герой в опубликованных главах, состоит в том, что «если спасение есть, то оно персонально». Моей «мистической чуткости» (скажу словами Васи из последнего лета его детства) не хватает, чтобы это понять.

Елена Иванецкая

Герои этого повествования – дети, но содержание этих глав отнюдь не детское – речь о «набухании времени» перед тем рывком, который СССР, а потом Россия сделали в 80-90-х годах; в романе Бавильского самые первые признаки надвигающейся смены эпох даются в восприятии – всегда обостренно-чутком – подростка. От автора: «Истоки нынешнего безвременья находятся именно там, в историческом периоде, который так и не торопится закончиться вместе с обрушением СССР. И для того, чтобы понять, что с нами происходит сегодня, следует вновь оказаться в советском „тогда“, чем „Красная точка“ и занимается, имитируя работу машины времени».

Сергей Костырко

Однажды Кирилл Кобрин предположил, что склонность нынешней российской литературы к стилистике литературы XIX века оттого, что все хотят писать как бы на том языке потому, что он кажется лучше. Да, стараются писать в каких-то тогдашних вариантах, это по умолчанию нормативное письмо, но как этим языком описывать хронологически иную реальность, нынешнюю? Или же язык только с виду тот, а на деле совершенно другой, по крайней мере – у некоторых авторов?

На <https://postnonfiction.org> было опубликовано начало романа Д. Бавильского. Там, вроде, примерно то же, что положено в рамках действия «того языка», но письмо выглядит уже не нарративно. Что ли за счет какого-то баланса стиля и событий (точнее – нарушения баланса в пользу стиля) возникает предьявление другой стилистики. Автору как-то удалось сделать социальную физиологию не отчужденной, внешней для текста, а превратить ее в письмо. Там устойчивая стилистика, сходящаяся просто в какой-то химический элемент советского, все эти школьные физкультурные раздевалки с запахом драных кед и пота; сырая, выпачканная в мелу тряпка у доски; домашний уют с кашей, заворачиваемой в одеяло, а за окнами снег идет;

желтый электрический свет. Все как обычно, но там этого столько, что оно начинает ощущать себя главным, делаться им. Это нехорошее ощущение – впрочем, это моя сторонняя позиция (моя школа была в несколько другой стране, ну – республике).

Но это неважно, главное – стилистика начинает выглядеть результатом прозы. Не так, что она решает такие-сякие задачи текста, но сам текст уже для того и текст, чтобы ее произвести. Но и – тут же – наоборот, появляется какая-то управляющая стилистика, которая затем оформит текст окончательно. Внутри текста что-то происходит – всякое разное – но управляет им собранная стилистика.

Можно даже сказать, что она работает Роком для всех, кто находится внутри текста (ну, она же тут определяет, что и в каких словах с кем будет). Но, мало того, она, пожалуй, определяет текст как некий объект. С того момента как фигура этой стилистики сгустилась – текст состоялся. Можно читать его дальше, можно и не читать – все и так в порядке. Он не для сообщения всех своих историй, а для того, чтобы произвести некую конструкцию. Как только она произведена, стилистическое управление текстом тоже уходит в сторону, остается ровно производство объекта. И это ж получают просто тексты неведомого назначения, которые возникают себе, ну и хорошо.

Похоже, что сейчас снова такое время, когда начнут появляться тексты, которые... невесть что. Не то что с никакой прагматикой для предполагаемого читателя, а еще и с сомнительным авторским целеполаганием. Раньше – дело известное: Монтень, Finnegans Wake, Стерн. Но вот же, и теперь такое пишется. Делаются объекты, чтобы обнаружить место где что-то может/должно быть. Вот пишутся и все. И даже написаны не для чтения, а чтобы были; главное, что возникли.

Андрей Левкин

Главы из романа Дмитрия Бавильского «Красная точка» посвящены последнему периоду советской жизни, причем на периферии. Сам по себе выбранный автором временной отрезок не позволяет автору претендовать на оригинальность. Но его творческий интерес сфокусирован совсем не на тех стереотипах, которые облегчают работу многих братьев по перу. Изображая закат советской империи, писатели заученно упоминают тотальный дефицит, повсеместное пьянство, всесилье органов, разрушение идеалов. У Бавильского всё выглядит не так уныло, наверное, потому, что его герои – наивные школьники, их родители – в основном интеллигенты, а сюжетные акценты поставлены не на нехватке благ, но, наоборот, на их приобретении! Подростки собирают марки, благоговейт перед жевательной резинкой, не говоря об импортных дисках, интересуются литературной фантастикой, а старшее поколение добивается переезда в совсем неплохие новые квартиры. Я не знаю, чем заканчивается роман Бавильского, но точно выписанная им провинциальная «ярмарка тщеславия» как-то очень мелка, скучна и, пожалуй, больше, чем политические пертурбации в столицах, позволяет понять духовную неподготовленность к наступающему облому и страны в целом, и особенно глубинки...

Яков Шаус

Пока все дома

1

Для того чтобы начать писать роман, главную книгу жизни, нужно было снять квартиру на последнем этаже. Желательно окнами во двор. Ну, если не на последнем этаже девятиэтажки, то уж точно где-то под крышей. Чем выше, тем лучше. И чтобы с балконом.

Раньше, когда я был школьником, этого дома, буквой «Г», не было. Был пустырь. Через него я и ходил в школу напрямую – каких-то пять минут, всего одна сигарета. Девятиэтажку сюда воткнули (кажется, это называется «точечная застройка»), когда мы уже переехали на другой конец Чердачинска. Сначала умерла бабушка, потом дедушка, изба в поселке на границе города и области опустела. Родители построили там новый дом, откуда мы с сестрой стартовали во взрослую жизнь – Лена вышла замуж и уехала в Израиль, я переехал в Москву.

Мне нравится говорить коллегам по редакции, что живу я на два города. Но это не совсем так – дома, у родителей, я бываю реже, чем хотелось бы. Подолгу, но всего два раза в год. Два месяца зимой и два летом. Роман из этого не напишешь. Нужно попытаться вернуться.

2

Писать следует о том, что хорошо знаешь. Например, о себе. Надоели искусственные конструкции, похожие на шахматы: они больше не работают. Их тяговая сила иссякла, и они больше не способны увлечь людей, закаленных жизнью настолько, что все, что неправда, кажется пресным.

С другой стороны, как теперь писать искренне, но интересно и чтобы, желательно, не напрямую? Лучше всего получается описывать то, что ближе лежит. Нужно исхитриться и придумать сюжет, требующий как можно меньше фантазии. Тогда тебе точно поверят. Тогда меньше шансов для фальши.

Несколько лет я думал «корневую метафору», способную обобщить все текстовые уровни в единое целое. «Несколько лет» – еще мягко сказано: всю сознательную жизнь ищешь структуру своей главной книги, способной объять необъятное. Ходишь, работаешь, общаешься, но где-то внутри, во глубине уральских руд, идет подспудная работа. Совсем как у Менделеева, которому таблица химических элементов однажды взяла да приснилась. Вот и я постоянно надеюсь на это «однажды». Если задание задано, то когда-нибудь выпадет результат. Как шар в «Спортлото» из телепередачи советского детства.

3

Найти формулу главной книги мне помогла Москва. Точнее, ее суета. Еще точнее, реакция на суету. Она заставляет дистанцироваться от столичных скоростей и впасть в ступор. Москвичам этого не понять: у них лишь одна жизнь. А вот у тех, кто переехал сюда когда-то, – две или даже больше. Кому как повезло.

Все чаще и чаще стал я ловить себя на жизни в двух мирах. В двух параллельных измерениях. Спешаешь к метро и вдруг ловишь себя на том, что мысленно идешь не по Ленинградке, но по чердачинской улице Воровского – от бывшего кинотеатра «Урал» и Первой бани с водонапорной башней в сторону областной больницы, где мама лежала. Пространства дублируются до тихой прозрачности, будто бы накладываясь друг на друга, точно в контурных картах из

школьного курса истории. Едешь по Мытной, от Октябрьской к Тульской, и неожиданно для себя, внутренним взором, оказываешься возле площади Революции, где есть точно такой же изгиб поворота на улицу Пушкина. Где точно так же уходит в сторону перпендикуляр, где, боком, длится точно такой же сквер. Кажется, у немецких романтиков такие флешбеки назывались «побегом». Однако я не романтик и даже не немец.

Между тем симптом нарастает. Начинает эволюционировать. Территории наложения множатся, накрывая весь город. Совсем как любая программка, выпущенная из Центра управления на волю и потерявшая контроль над собой.

4

Еще до моего рождения эта улица на Северке называлась Просторная. Только потом, в «годы застоя», ее переименовали в Куйбышева – ряд прямоугольных пятиэтажных микрорайонов («коробок»). Мне это кажется важным, хотя прожили мы там совсем немного – 16 лет. Всю мою школу и университет (плюс армия). Первая любовь (как и вторая) случились тоже здесь. Вроде ничего особенного, обычная жизнь, но именно это место и эта квартира на Куйбышева стали мне сниться чаще всего. С какой-то странной настойчивостью преследовать память. Воровского и площадь Революции отступили в тень – отныне все мое умозрение связано лишь с бывшей Просторной.

Подобно любой меланхолии, отчуждение не отличает прошлого от настоящего. Реальности программке моего «побега» оказалось мало, вот она подчинила себе ещё и сны, куда возвращаешься как в недочитанную книгу, отложенную на перед сном. То есть ситуация в прошлом, куда постоянно попадаешь, не стоит на месте, она развивается. Проистекает. Всюду жизнь: Москва изменяется, но и в «коробке» постоянно что-то происходит. Она не стоит на месте, меняется.

Примерно через полгода все сны мои свелись к обитанию внутри «нашего» микрорайона возле средней школы № 89. Трехкомнатная квартира на первом этаже первого подъезда, зеленый двор с развалинами тренажеров. Но почему именно здесь?

Возможно, просто совпало, что именно на Куйбышева, в типовом доме и не менее типовом дворе, я осваивал мир. Становился собой. Вот он мне и снится теперь, как подорванный. Как максимальная эмоциональная трата, которую нельзя компенсировать. Как фантомная боль. Мир, куда не вернуться.

Когда я рассказал маме о том, что меня постоянно преследует Куйбышева, расположение комнат, деревья двора, она вздохнула: «Просто там ты был беззаботен и счастлив. Просто там мы были молоды и жили еще все вместе...»

Школа стоит всего в пяти минутах ходьбы от нашей коробки. Иногда на переменках я бегал домой, чтобы переодеться перед уроками физкультуры или посмотреть фрагмент дневного повтора «Трёх мушкетёров».

5

Чтобы избавиться от наваждения, я и решил написать opus magnum. Видно, такая у меня судьба – ехать за впечатлениями и материалом не в Венецию, не в Париж, но в сермяжный Чердачинск. Что же, принять свой удел – одна из важнейших задач жизни, уверенной в правоте.

Впрочем, приезжая домой, я ловил себя на том, что оттягиваю поездку на другой конец города, оставляя ее на самые последние дни перед возвращением в Москву. Когда уже «некуда деться». Так повторялось пару лет.

Каждый такой долго откладываемый визит на Северок превращался в хадж. Сердце начинало бешено биться по мере приближения плавного троллейбуса к остановке «Красный Урал» или же к кинотеатру «Победа» (мы жили ровно между двух остановок – главных измерительных приборов всех советских окраин), и страшно было встречаться глазами с пассажирами. Вдруг заискрит. Вдруг кто-то увидит или почувствует волнение перед встречей с моим собственным прошлым. И что для меня это не рядовая поездка. Что это – важно. Отворачиваясь от всех, смотришь в немывтое окно, за которым проплывают типовые кварталы, практически неразличимые для человека со стороны. Паломник на богомолье едва ли встречает на пути столько святынь.

6

Бродя по Красного Урала, я заметил, что исподволь ищу глазами знакомых из предыдущей жизни. Причем, видимо, в том же возрасте, в каком я их всех здесь оставил. Ну, и они должны были, видимо, признать во мне «того паренька» из легендарного бандитского 7 «д». Глупо, да?

Еще я вдруг понял, что, попадая в коробку, начинаю спешить и не могу остановиться. Будто гонит кто. Пробегаю по двору, заросшему крапивой, точно по минному полю. Захожу в некогда родной подъезд не больше чем на пару минут. Вдруг жители (уже не соседи) увидят чужака и погонят. Народ у нас подозрительный, нервный. Объясняться не хочется.

Незаметно достаю телефон, фотографирую дверь, оббитую так же, как когда-то, наш покореженный почтовый ящик (сколько ж раз его поджигали вместе с газетами?) – и пулей вылетаю наружу. Вон. Чужие квартиры пахнут загадочно. Не так, как свои. Не так, как тогда. Застойный запах выталкивает во двор. Несмотря на то что после падения знаменитого метеорита многие стекла в подъезде полопались и по подъезду гуляет ветер – окна с тех пор так и не заменили.

7

Чаще всего мы гуляем по нашей коробке с Петровной – Надеждой Петровной Котовой, библиотекарем из школы № 89. Это удобно – сначала заходишь навестить «родные пенаты», выпить чаю с подружкой дней своих суровых, а затем неспешно идёшь по округе. Петровна – друг на всю жизнь и важный советчик. Именно ей самой первой я рассказал про главную книгу, способную избавить меня от наваждения.

– Говно вопрос, – сказала Петровна, – садись и пиши. Причем прямо здесь: важен эффект присутствия.

Мы как раз проходили эту серую девятиэтажку, воткнутую на бывшем пустыре вместо мусорных баков. С которой у меня ничего не связано. С выводком вялой мальвы, выше человеческого роста, в палисаднике. Петровна посмотрела вверх на последние ее этажи.

– Главное, чтобы в квартире был балкон, выходящий во двор, – сказала она, – тогда ты сможешь окинуть своё прошлое одним махом.

Я тоже посмотрел вверх, вслед за ее мыслью.

– Главное, чтобы там был вай-фай, – сказал я. – Потому что, кажется, без интернета я сдохну.

Атмосфера в коробке всё та же запущенная, даже в нашем подъезде ничего не изменилось, однако в него не зайдёшь надолго, не проникнешь внутрь, туда, где люди спят или смотрят телевизор. Встреча с ними, совсем как в чужом городе или даже в другой стране, возможна лишь в магазине или в музее. Но музеев на Куйбышева нет и не будет.

8

Петровна помогла снять квартиру на восьмом этаже. Вышло проще, чем думал. Только не сразу. Петровна включила всю свою незамужнюю энергию, забросив сразу пару крючков ученикам из коробки. Точнее, их родителям. Сама перебрала варианты и однажды, когда мы с родителями ковырялись в огороде, позвонила: «Приезжай, забирай ключи». Мама удивилась, но не подала виду. Ни о чем не спросила. Папа не удержался и уточнил, что я там стану делать в съемной квартире, будто своей нет. Как что? Писать книгу всей своей жизни. Обобщать. Избавляться. Переходить на иной уровень.

Чужой подъезд пах жареной картошкой. Он не хотел мне понравиться. Обойдя однокомнатные хоромы (в Чердачинске их называют «полупорка», презируя московское слово «однушка», оставленное приезжим), я вышел на балкон и увидел крышу дома школьного детства. Покрытая шифером, крыша молчала. Никакого откровения вид сверху не подарил. Зато на соседнем балконе я увидел красивую девушку, смотревшую на меня во все глаза, впрочем, смешливо. Если будет неважно писаться, то это тоже выход, подумалось мельком.

9

Раньше в квартире обитал какой-то чердачинский хипстер: с видом на «пыль сонных и пустых предместий» (ландшафт коробки, если смотреть с балкона девятиэтажки, не изменился с советских времен) wi-fi работал на ураганной скорости. Я включил интернет-радио с дискохитами 80-х. Можно начинать писать роман прямо в блоге: мне хочется стилизовать его под реальную хронику. перемежать фотографиями так, чтобы создать полную иллюзию присутствия. В режиме реального времени.

Петровна, заглянув после работы, занесла продукты и рассказала про соседку. Конечно, училась «у нас», то есть в 89-й, теперь то ли закройщица, то еще кто. Сидит на приеме в ателье возле молочного магазина. Точнее, при совке там был магазин «Молоко», а теперь что-то другое, эзотерическое. «Путь к себе» с благовониями. Пока не прикрыли, да. А вот ателье осталось, я его помню. В моей книге начала наклеиваться любовная линия с готическими обертонами – чердачинские девятиэтажки с тусклыми лампочками в подъездах и сильными ветрами по ночам, хлопающими старой кровлей, идеально подходят для таких историй с призраками из мусоропровода и скелетами на антресолях.

– Посмотри, – сказала Петровна, – на книги: интересно, конечно, кто тут жил раньше. Тут же полный Сорокин. И «Норма», и «Лед». И «Голубое сало». И даже «Роман», который я давно хотела перечитать...

Впрочем, брать с собой эту книгу домой она отказалась, как я ни уговаривал: чужие книги передают карму других людей круче, чем волосы, слюна и даже эпидермис. Петровна – библиотекарь со стажем и знает, что говорит.

10

Каждый раз, снимая квартиру, находишь в ящиках и шкафах предметы, заставляющие думать о предыдущих жильцах. Окаменевшую жизнь. Мой предшественник отчеркнул ногтем в одной книге Сорокина слова про «гнилое бридо», а я теперь думаю, что же ему было важно во всем этом несуществующем мире.

В принципе, реконструкции жизни этого парня можно посвятить пару глав моего романа. Тем более что он наверняка есть в ФБ или Инстаграме; он же, разумеется, знал соседку-закрой-

щицу, и между ними что-нибудь да проскочило. Хотя бы и на уровне взглядов. Просто они не торопились сблизиться – жизнь на Северке бесконечна. Вот и ждали, пока само вызреет.

Скорее всего, он тоже учился в 89-й, пока не уехал поступать в соседний Ебург, где остался. Значит, Петровна и здесь мне поможет: историю нужно начать в школьной библиотеке. Соседи встречаются там на переменке, обсуждая, например, Пелевина, неизменно сопровождающего русскую жизнь уже много десятилетий подряд. Или же, вот, Сорокина, чтением которого провинциальный интеллигент наверняка гордился, точно знаком личности. Причастности.

Петровна ушла. Только что на подоконник сел голубь. Роман будет называться «Красная точка»: отталкиваясь от последних застойных лет, я расскажу, как все вокруг развалилось, а люди не развалились, остались такими же, как и прежде. Так как жизнь в глубинке особенно не менялась. Или же развалились, повторив путь страны? Бог весть, куда кривая вывезет. Пока говорить рано: узнаю по ходу пьесы. На кухне загудел старый чайник, голубь, сбросив оцепенение, пукнул и вспорхнул. Захотелось выпить. Не чаю. Но, выключив интернет-трансляцию ретро, я начал думать о первой фразе.

11

Я пишу «Красную точку» каждый день. Встаю рано, завариваю крепкий чай. Пью его с сахаром: питаю голову. Неспешно, не торопясь (шаг вперед, два назад), помногу переделывая каждую страницу. Часто хожу в душ. Сажу до обеда. Смотрю, как по углам копится пыль: солнечная сторона. Потом приходит Петровна и мы гуляем. Соседку пока я больше не видел. Да мне и некогда отвлекаться. «Домашку», как я называю дневную норму выработки, заканчиваю ближе к вечеру, когда начинает темнеть. Мне нравится сидеть, не включая свет, в бальзамах сгущающихся сумерек. В пустоте тишины, когда не слышно даже телевизор за соседней стеной, мгла наваливается вместе со сном. В него я проваливаюсь без видений: их все забирает проза.

На выходных еду через весь город к маме и к папе. Конечно, им не нравится то, что я отдалился, хотя мог бы работать и дома. Но они мне верят. Раз я так поступил, значит, так оно правильнее и лучше. К тому же за годы моей московской жизни они привыкли по мне скучать. А тут вроде как я не за 2000 км, но где-то под боком. В принципе, можно созвониться. Или встретиться, если приспичит.

Но мы не встречаемся вне моего расписания – они живут своей обычной жизнью, я своей. Видимся на выходных. Навестить меня они не порывались ни разу, хотя коробка им не чужая. Они тоже ведь отдали Куйбышева, бывшей Просторной, 16 лет своей жизни.

12

Конечно, в поселке бы работалось лучше: свой дом, сад, толстые стены без соседей на расстоянии вытянутой руки, огромная отцовская библиотека. Переехав сюда, мама пристрастилась петь – раз вокруг никого, то никто не услышит. Не помешает. Никому не помешает. Да и у папы начались проблемы со слухом – он засыпает под громкое радио, и ведущие «Эха Москвы» до утра просвещают округу в записи и в прямом эфире.

Совсем как в девятиэтажке, где «Красная точка» становится все толще и ярче, несмотря на круглосуточный шум взбесившегося лифта и на гудение мусоропровода, завывающего, как привидение у Диккенса. Несмотря на картонные стены, пропускающие не только звуки и запахи незримых жизней, но и чужую карму. За чем, собственно, я сюда и приехал. Видно, своей не хватает.

На самом деле не приехал и не заселился. Только собираюсь, а все, что написано раньше, я поднаврал. Художественный вымысел. Мне и вправду давно уже снится, мерещится, «отпу-

стить меня не хочет родина моя», для чего я и придумал написать главный текст своей жизни. Тем более что принято считать – одну книгу (автобиографию, что ли?) может создать любой человек. Чем я хуже?

13

Нет-нет, про «Красную точку» всё правда: мне и правда нужно сделать её для того, чтобы освободиться от советского прошлого. И я на самом деле придумал снять квартиру в девятиэтажке, построенной на пустыре. Действительности также соответствует то, что Петровна одобрила мой план (ну, еще бы) и пообещала помочь в аренде квартиры. Просто не все сразу, да?

Но сначала следует уладить московские дела. Поднакопить подъемных. Чтобы думать не о пропитании, но о бескомпромиссной работе, которая денег не принесет. Нынешняя литература вообще не про деньги. Я, кстати, даже не знаю, про что она сегодня. Про тщеславие? Про «не могу молчать»? Ну, так и не молчи. Только деньги-то тут при чем?

Прежде всего нужно уволиться. Раздать долги. В том числе и текстуальные. Галке Юзефович написать давно обещанный рассказ. Забрать пальто из химчистки. Собрать вещи. Сдать квартиру. Это не так просто.

14

Однако написать «Красную точку» важнее. Даже если она не получится, не сложится. Тоже опыт, как говорит Петровна. Лучше сделать и пожалеть, что сделал, чем всю жизнь переживать об упущенных возможностях, как говорит моя мама.

Кстати, именно после этой ее фразы я и переехал в Москву. А теперь, значит, проделал путь в обратном направлении, чтобы снять наконец квартиру в доме напротив. Вышло это не сразу и без особого блеска. Подробности опускаю. Петровна была в отпуске, уехала в Германию к племяннице Лерке, оставшейся после учебы *там*. Искал жилье сам, вариантов долго не было. В лучшем случае у «Победы» или за дворцом пионеров (теперь в нём районный суд). Пока наконец не обломилась одна, сильно запущенная. Попросту убитая. Ни о каком wi-fi или виде из окна речи уже не шло – угловой вариант окнами в торец. Второй этаж над подъездным козырьком, забитым мусором.

Сразу не мог решиться на переезд и наезжал на Северок поработать. Пару часов и обратно – к маме в поселок. Работа шла плохо. Чаше не шла. Сидел, рассматривал колченогую мебель из советских времен. Томился. Дремал. Надрывно смеялся, что оказался, как и хотел, в убогом советском быту. С продавленным сервантом. С полированной стенкой без книг. С черно-белым телевизором «Горизонт» на тоненьких ножках. Я думал, таких уже не сохранилось. Короче, в нигде. То, что надо. На подоконнике пыль (протираешь тряпкой каждый день, но наутро опять, как ни в чем не бывало, угольный слой) и засохший кактус в углу. Ребристый, как гранёный стакан. На соседском балконе – старушка-инвалид: родственники выкатывают ее для воздушных ванн в обшарпанном кресле на колесиках. На весь день. Сколько ни выходил на балкон, смотрит волком, точно глазами хочет выпить все, что есть у меня внутри. Что я ей сделал? Ничего.

То, что окна в торец, а не на бывший мой дом или не на школу – даже к лучшему: ничто не отвлекает от воспоминаний.

15

Пару раз, преодолевая тоску, оставался здесь ночевать. Слушал кубатуру пространства, наваливавшуюся тоской нерешённых вопросов. Не мог уснуть, ворочался на жёстком диване. Ходил на кухню пить воду. Вода из крана шла ржавая. Замысел не то разваливался, не то расплзался в разные стороны. Оказывается, любой поворот сюжета чреват развилками. Можно потянуть за одну нить, а можно за другую. Но как выбрать правильное направление? Труднее всего лепить причинно-следственные цепочки – очень быстро становится скучно идти по сюжетной канве: мысль постоянно обгоняет руку, и приходится возвращаться к тому, что уже пережил. Записывать то, что сгорело дотла. Гальванизировать текстуальные призраки.

Родители удивляются, но терпят. Считают, что блажь. Им же не расскажешь, что один мой приятель, все поставивший на свою главную книгу, переехал для этого в Питер и три года собирал материалы по Блокаде. Чтобы вжиться максимально плотно и сделать роман как надо. На всю оставшуюся. А другой знакомец принимал кислоту, дабы лучше понимать обитателей датского дна, перемещенных лиц без руля и ветрил, пока не посадил печень. Что я и сам давным-давно придумал роман про Саграда Фамилия, требующий как минимум полгода спокойной барселонской жизни. Хотя судьба поступила со мной иначе. И теперь я здесь – там же, где жил, когда ходил в школу.

16

Хотя почему не расскажешь? Они же родители и должны понимать. Судьба у них такая. Да и столько лет вместе. Хотя и порознь, но.

Однажды включаю «Горизонт» рано утром, а там передача про детей из детдома. Слезающая до невозможности. Даже в черно-белом варианте и через помехи. «Ведь так не бывает на свете, чтоб были потеряны дети», пелось за кадром, пока мордатый ведущий излучал благолепие.

Писать расхотелось. Выхожу на балкон, а там старушка в платке. Покрывается копотью. Значит, выхлоп по стороны металлургического комбината. Вышел во двор. Без особого плана, ну, просто пройтись. Так странно: когда мы тут жили в позапрошлой жизни, всегда были дела, всегда было куда пойти. В школу, к друзьям. В библиотеку. В районный дворец пионеров (теперь там суд). Или мама пошлет в магазин за сметаной и молоком, даст с собой полулитровую банку, медный бидон, оторвет талонов («только не потеряй!»), а в гастрономе всегда очередь. Нормального сыра нет, как и сейчас. Продавщица в монументальном накрахмаленном колпаке большим черпаком наливает в банку сметану, а на куске оберточной бумаги пишет цифру для кассы. Химическим карандашом.

Времени не было, было что-то другое – плотность, не предполагавшая прорех и простоев. Казалось, что жизнь бесконечна и так, насыщенно и беззаботно, будет копиться всегда.

Теперь я никого здесь не знаю. Никто не знает меня. Поэтому от коробки можно ждать всё, что угодно. Кого угодно. Однажды, гуляя возле ленкиного детсада, встретил Буратино. Вернувшись «домой», вставил его в «Красную точку».

17

А еще всегда люди были вокруг. И всех знал. Идешь по двору и здороваешься. Теперь никого не осталось. Пустота. Разреженность. Даже воздух дыряв, особенно если выбросы.

Сколько ни околачиваешься в этой коробке, выбегая то в магазин, то к Петровне за интернетом (он в школе медленный, как в 90-х), ни одной знакомой физиономии. Точно все население взяли и враз подменили. Другие лица, типы, повадки. Неузнаваемые. Неузнанные. Непонятные. За каждой дверью или окном – своя автономная жизнь, которая тебя отторгает. Второй раз войти в ту же реку не получается. Проект с самого начала пах утопизмом. Приходится не наблюдать, но думать. Выдумывать все заново. Поэтому нет никакой разницы, что там у этой книги будет внутри, правда или ложь.

Один раз, правда, споткнулся у подъезда о знакомое лицо. Девочка из параллельного класса, ставшая некрасивой, обмякшей женщиной. Я никогда не знал, как ее зовут. Или знал, но забыл. Она никогда не блистала. Не обращала на себя внимание. Не выделялась. Была обычной. Как все. Теперь эти все разъехались кто куда, только она и осталась. Глянул на нее мимоходом (разумеется, не узнала) и сразу все понял. И про плащик темно-коричневый, и про походку. И про всю жизнь. Вся перед глазами пронеслась. Не ее, но своя, здесь непрожитая. Запасная, что ли. Перпендикулярная.

18

Кажется, ее звали Женя. Допустим, Женя. Невысокого роста. Кудрявая. Слегка горбатая. Болонку выгуливает и выносит мусорное ведро. Это же только в девятиэтажках мусоропровод, а в коробке – одни пятиэтажки, баки сгрудились в дальнем краю двора, между домами. Раньше мусор носили на пустырь, но теперь, из-за точечной застройки, там воткнута девятиэтажка, которую в мейлах, иронически, я называю «мое Переделкино». Баки перенесли в другой конец.

Женя уже вынесла мусор, встала у своего подъезда и отпустила болонку на волю. Ждет. Не курит. Бережет здоровье. На кухне капает вода из неплотно закрытого крана. Сохнет хлеб под салфеткой (самый вкусный в Чердачинске – круглый, ржаной). От сквозняка поскрипывает дверца шкафчика под кухонным окном – он в нашей пятиэтажке сделан со сквозной дыркой, видимо для охлаждения запасов. В каждой квартире есть своя собственная дыра. Мы затыкали ее бинтами, чтоб не фонило. Особенно зимой.

Собирается дождь. Из открытых окон несутся позывные программы «Время». Ну да, скоро осень перестанет прятаться по ночам на захламленных балконах, выйдет во всей красе, вернув Петровну и школьников в 89-ю, среднюю, общеобразовательную, а меня-то вот куда вернет эта осень?

На самом деле, если по-чесноку, в нашей коробке за четверть века вообще ничего не изменилось. Даже граффити всё те же. Разве что щетина запущенности выросла до состояния раскольнической бороды. Уже не сбреешь: символ веры, однако. То, что по-умному называется «энтропией», затопило весь двор.

19

Эх, совсем заврался. Как же мне надоело врать. В жизни и здесь. Я пишу эти строки под фортепианный концерт Равеля (тот, что для одной руки) на втором этаже родительского дома. Там, где папина библиотека и окна выходят в огород с яблонями и теплицей. Вижу, как старики работают в саду: мама в косынке у грядки с помидорами, папа в кепке возле гаражей, где он настойчиво и постоянно благоустраивает кусок поселковой улицы возле нашего дома. Судя по запаху с кухни, Лена пожарила рыбу. Сейчас спущусь вниз, сядем семьей за круглый обеденный стол, подведем итоги дня.

«Красная точка» пишется кусками, только с идеей снять квартиру и закопаться на Северке в экзистенциальные переживания среди стёртого быта ничего у меня так и не вышло. Идея уж слишком красивая, чтоб сбыться.

Не удалось, во-первых, выпасть из привычного графика, совместив писанину с работой, хотя бы и по удаленке. В редакции к моей просьбе об отпуске за свой счет отнеслись с пониманием. Хотя кто их там знает, что они думают обо мне на самом-то деле. Москвичи же.

Во-вторых, я плохо себе представляю лица родных, когда я сказал бы, что снимаю квартиру на Куйбышева, вместо того чтобы остаться у них. И это перетягивает всё остальное – вот это самое ситуативное удивление. Лица мамы и папы, переваривающих ещё одну ненужную разлуку. Недоумённый взгляд Лены, ищущей в моем решении второе дно. Пока все дома, дом есть дом, нет ничего его важнее. Даже если пишешь свою самую важную книгу. Да хотя бы главный роман XXI века. Такой, значит, и выходит моя красная точка.

Венеция-Париж, апрель 2016

Красная точка

Я думал, что я любил своё время так, как другие любят свою родину, с той же односторонностью, с тем же шовинизмом, с той же предвзятостью. И презирал другие времена с той же слепотой, с которой иные презирают другие нации. И моё время потерпело поражение.
Из «Дневника странной войны» Жан-Поль Сартра 21. 10.1939 года (179)

ЫМБШ

В Чердачинске, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном пятиэтажном доме, первом его подъезде, на самом первом этаже, в квартире № 2, возле низкого окна стоит мальчик и смотрит на красную точку, размером с копеечную монету, наклеенную на стекло.

Дело происходит после зимних каникул, значит, в январе-феврале, что ли? День рождения вроде прошёл, но сил не прибавилось, а на оконном стекле всё отчётливее проступают грязевые разводы, к весне приобретающие объём и дополнительную скульптурность складок Вучетича.

Кружок размером с монетку мальчику (назовём его Вася) посоветовала врачиха (белки навывкат, ресницы из каслинского литья) в медкабинете с белыми стенами, креслом посредине и таблицей, укреплённой на белой ширме (зачем окулисту ширма, она ж не гинеколог?), с буквами, исполненными железнодорожными шрифтами. И, видимо, оттого убегающими вдаль. Все же знают, что Ш и Б – здесь самые большие, дальше следуют М, Н, К, потом, чуть поменьше, – Ы, М, Б, Ш, после чего начинаются разночтения. Тем более что в кабинет заглядывает медсестра, распространяя перед собой облако острого цветочного аромата. Громовым шепотом она передает на ухо коллеге последнюю сенсацию:

– Пугачёва погибла в автокатастрофе. Разбилась, возвращаясь из Сочи с гастролей!

После этого судьбоносного практически сообщения окулистка впадает в резиновый ступор и забывает о мальчике. Тот продолжает сжимать в руке щиток, закрывающий глаз; ждёт, когда шок сойдёт и Снегурочка отгадает.

Момент истины

Первые три строчки Вася отбарабанил, точно знал наизусть, а вот потом алфавит закудрявился в разные стороны, строчки поползли как под слезой, начали раздваиваться тараканьими усищами. БЫНКМ? БАНКОМ? ИНКАМ? ТАНКОМ? Далее неясности лишь нарастают: НШЫИКБ – это вообще что? О чём или о ком? А так хочется соответствовать, говорить правильно, точно легкую и очевидную правду. Правду, а не ложь.

Не получается, и врачиха с каслинским литьём на лице начинает манипулировать линзами в сложносочинённых рамах, похожих на заикание. Медосмотр в школе или же детская поликлиника, откуда обычно, во время простуд, приходит усталая участковая?

Не так, впрочем, важно, как сам момент обнаружения дефекта; то, что ты плохо видишь (скорее всего, близорук), каждый узнаёт по-своему. Это как первый блуд или первая смерть – один из ключиков персонального кода, рисунка судьбы, биографических дактилоскопий, накладывающих на жизнь непредсказуемые ограничения.

Ношением очков отныне дело не ограничится – нужно же пересмотреть весь тактильно-пунктуационный репертуар, со временем становящийся практически невидимым: так привыкаешь к нему, так он становится тобой, что заметить-то его можно, лишь выйдя из себя.

С видом на кладбище

То, что близорукость наступила, Вася понял чуть раньше, когда ездил на каникулах во Львов. Профком медработников продал путёвку его родителям, тогда (время было спокойным¹) каждые школьные вакцинации использовали для групповых поездок – «с целью поощрения и познания мира». Нужно сказать, в этом праздном своём любопытстве южноуральцы преуспевали сильнее других советских народов, живших в иных городах и краях необъятного СССР, например в Саратове, Таллине или Махачкале.

У школьного библиотекаря Надежды Петровны, каждые каникулы возглавлявшей такие путешествия, пока было с кем ездить, существует теория про живой и особенно подвижный чердачинский ум, открытый всему новому. В этом, если верить Петровне, зажиточные южноуральцы – особый, локальный советский этнос – напоминают одноэтажных американцев, живущих в основном региональными новостями и интересами, но отчаянно путешествующих по всему свету, не меньше азиатов с какой-то их всемирной отзывчивостью.

Это же до сих пор невооружённым взглядом заметно, стоит лишь представителям разных частей страны скуковаться в одном месте. Например, в аэропортовском накопителе, при объявлении посадки.

А тут Львов. Европа, хотя и Восточная. Украина, хотя и провинция. Модерн, ар-нуво, декаданс (правда, памятника Захер-Мазоху на ул. Сербской ещё не стоит). Старшеклассники, разумеется, бухали, бессмысленно и беспробудно, тихарясь по вечерам в густых сумерках гулких комнат, подымая, один за другим, тосты за приближающуюся олимпиаду.

Юнцов поселили в общежитии мединститута, окна её выходили на Лычаковское кладбище, богатое любыми ассоциациями. Туда, погулять среди складок *memento mori*, румяный Вася убегал сразу после раннего ужина, когда от общения с земляками было не отвертеться.

К старшакам он не лез, туповатые ровесники не интересовали, а вечера, к сожалению, не гнулись, в отличие от туристических утр, туго заряжающих, но ближе к обеду ускоряющихся из-за многочисленных экскурсий.

¹ Точнее, времени как исторической общности не существовало, за исключением разве что смены времён года. Советские люди жили в вечности, развитой социализм казался бесконечным – никаких иных формаций, социальных ступеней или общественных состояний не знали или же быстро забыли, утратив любые возможности альтернативы. СССР – система закрытия, безобменная, значит, в дальнейшем с Васей ничего, кроме коммунизма, случиться не может. Хотя приход коммунизма уже тогда, изнутри развитого социализма, казался таким же проблематичным, как наступление конца света.

Экскурсии и обед – по расписанию

Зато здесь, на Лычаковке, легко и раздольно. Гнилые, в кавернах могил, холмы, усыпанные кленовыми листьями, выдыхают покоем. Значит, это точно не на зимних каникулах случилось, но на осенних, самых коротких. Ну, да, день же ещё не сжался как следует, не редуцировался до чёрно-белой картинки, был многоцветным, насыщенным, точно на слайдах, а ночь наступала лишь после ужина, главная экскурсия (с выездом) начиналась утром, сразу же после столовки, возле которой, в ожидании школьников, заранее паслись пустые автобусы.

После обеда туристам предлагалось что-то внутри самого Львова, богатого памятниками культуры, только вечером не планировалось вообще ничего. Делай что хочешь. Один раз, правда, сводили в театр, но даже пионерам, не особо искусственным в лицедействе, стало ясно, что актёры здесь плохие.

Впрочем, театр лишь предвкушался, а пока их вели в огромный барочный собор с акустикой сломанной музыкальной шкатулки. Сумрачный внутри, он неожиданно светлел в своей вышине из-за массы окон, окружавших купол, расписанный ярко, но не слишком конкретно: время и советская власть не пощадили этих фарфоровых по духу рисунков.

Особенности советского барокко

Казённый экскурсовод в новомодном кримплене дежурно бубнит про Троицу, Богоявление, Распятие, Бегство в Египет и фаворский свет. Уральские дивчата и парубки задирают головы вежливо, но непреклонно, как птенцы, требующие корм (ибо «уплóчено»). Только Вася не может разделить всеобщего единения (с ним такое частенько) перед лицом искусства: божественная живопись сливается в один, серо-буро-малиновый слой, похожий на застиранный мохеровый шарф, и не разлепляется, как бы школьницы в вязаных шапках с особенно длинными ушками (писк сезона, из-за чего половина экскурсанток срифмовалась фасонами) ни голосили наперегонки от восторга.

– Ах, как красиво! Посмотрите, посмотрите, ах, как красиво!..

Что красиво? Почему красиво? Вася, привыкший говорить сам с собой, пожимает плечами. Ничего не имея в виду и не предчувствуя серьёзных последствий, он обращается к главной симпатизантке (в любой поездке обязательно выбирается такая), очкастой Наде.

– Тебе действительно нравится или ты притворяешься, вот как и они?

Смена времён кода

Подтекст его слов очевиден: *ты такая же, как и все?* Надя намёк считывает, хоть он и не облачён в слова. Умная девочка. Или чувствует – особым своим женским органом в виде внутреннего бутона, который проявится и разовьётся гораздо позже, в следующей жизни.

Надя отвечает и принимает в Васе дополнительное участие, так как сцепка между ними произошла раньше, ещё в поезде; колёсики-то и закрутились. Или, что тоже не исключено, русоволосая Наденька – особый женский тип, отзывчивый и чуткий всегда и всем приходящий на помощь, точно Мальчик со шпагой или выпускница Школы книжных капитанов. Вот Вася и тянется интуитивно к той, что (эмпатия – сила или слабость?) точно не откажет.

– Конечно, красиво. Сам, что ли, не видишь?

В Наде немного кокетства, которое может и не означать ничего, проявляясь так же естественно, как погода.

– Посмотри, какие цвета, какие краски...

Вася щурится, и тогда Надя (забыл сказать, что она – круглая отличница) протягивает свои некрасивые окуляры. Ради эксперимента, Вася надевает чужие стёкла, доверчиво запрокидывает голову, точно хочет протрубить в горн. И, о чудо, размытый импрессионизм исчезает, внутри купола проступают явственные рисунки фигур. Космогония, на них изображённая, захватывает дух изысканностью взвихренной композиции, части которой перетекают друг в друга.

Фокус фокуса

В церкви тихо, но гулко. Пусто Васе, надевшему чужие очки. Кажется, будто из ничего возникает волна, приближающаяся к нему. Потолок точно обрушился вниз, стал достигаемым, различимым в деталях: теперь фрески набухли от сочных, венозных красок.

Можно сказать иначе – Вася чувствует, что внезапно взлетел под потолок, за секунду набрав сверхзвуковую скорость. Ей не мешают ни ловко нарисованные облака, ни толпы монументальных фигур, окружённых ангелами. Вот что значит «*навести фокус*», обрести резкость. Поистине оглушающее впечатление, способное изменить последующую жизнь.

Как любой советский ребёнок, Вася лишён начатков религиозного чувства, в церковь никогда не ходил, в музей (кроме тусклого краеведческого) не был. Откуда ж он, до поездки во Львов, мог многоцветьем и красотой подпитаться?

Если только на первомайской демонстрации или в кинотеатре: телевизоры ведь тогда выпускали лишь чёрно-белые, и комментаторы, сопровождавшие репортажи по фигурному катанию с чемпионатов закадровыми разговорами, подробно описывали цвета костюмов, в которых выступали спортсмены. С каким-то особенным рвением, граничащим с исступлением, журналисты смаковали расцветку одежды спортивных и танцевальных пар, а вот одиночников и даже одиночниц, потенциальных икон стиля, настойчиво игнорировали.

Видимо, оттого, что в этих видах соревнований, требовавших «командного духа», за СССР оставалось многолетнее, испокон тянувшееся лидерство Родниной и Зайцева, а также Пахомовой и Горшкова. Ими гордились как космонавтами, а вот советским одиночникам (особенно в женском катании) так же постоянно не везло: индивидуализму, что ли, не хватало?

Домашнее задание

У нас ведь всё в стране делается во имя простого, трудового человека. Его дерзаний, надежд и чаяний. После того как главная редакция спортивных передач Центрального телевидения начала получать мешки писем от зрителей, просивших рассказывать о цветах костюмов фигуристов, комментаторы выучили названия полутонов и оттенков как таблицу умножения, ибо «Отче наш» они, потомственные атеисты, конечно же, не знали.

Вечность спустя, с появлением цветных телевизоров, в СССР началась яркая и разнообразная жизнь. Но у Васи она возникла чуть раньше – когда в храме он надел чужие очки и впервые увидел чужое барокко.

Когда потом, уже после возвращения в Чердачинск, ему задали домашку – написать сочинение о том, как он провёл каникулы, Вася попытался передать впечатления от этого потрясения, связанного с красотой. Пыхтел, старался, пару раз переписывал. Извёл груды черновиков, подбирая слова – самые точные и единственно верные. Заранее гордился результатом как человек, который сделал всё и даже больше. Прыгнул выше собственной головы.

Училка любила объявлять результаты перед всем классом, подробно рассказывая о том, кто во что горазд. Васе ждал, когда дело дойдёт до его тетрадки с профилем Маяковского на обложке, но делал вид (для себя в первую очередь), что ему всё равно.

Училка, однако, обладала собственной логикой и представлениями о прекрасном. Васино сочинение она посчитала посредственным, то есть троечным. Никаким. Лицо его вытянулось от удивления, скрыть которое он не мог. Опыта ещё не хватало.

Перехватив ученическую реакцию, училка уточнила, что «может быть, просто не поняла, о чём сочинение» и что её утомили повторы: вообще-то, Вася может писать аккуратнее и чётче, но в этот раз, вероятно, не слишком старался, торопился, вот и не получилось.

– Прилежание и усидчивость, с которыми у тебя, Вася, явные проблемы, вообще-то никому ещё не мешали. А вот религиозный дурман и пропаганда церкви мешали, и даже очень. Для советского школьника заглядываться на иконы, даже если они и имеют важное историческое значение, – грех серьёзный и непростительный. Ты же не какая-нибудь там ветхозаветная, верующая пенсионерка, погрязшая в суевериях, а будущий строитель коммунизма, который должен сам разбираться в том, что такое хорошо и что такое плохо.

Родительское собрание

Вася сидел оглушённый, даже придавленный несоответствием своим ожиданиям. Между тем училка (не злая, в общем-то, женщина, только немного затурканная бедностью, пьющим мужем, а также избыточными учебными часами и хронической проверкой тетрадей) не унижалась:

– Вася, ты обещаешь нам как можно скорее научиться отличать дурное от хорошего?

Вася не понимал, что от него хотят. Белое от чёрного он всегда отличал – «на автомате» с раннего детства, пока другие не начинали его путать. А теперь Васе хотелось, чтобы от него отвязались, поэтому на всякий случай он молча кивнул и изобразил то ли раскаяние (в чём?!), то ли испуг. Но абсурдная история с чужим барокко на этом не закончилась, очень уж нетипична была.

Обычно на родительские собрания мама ходила нехотя, заранее настраиваясь на неприятности – Васю чаще ругали, чем хвалили: рос он мальчиком непонятым и, как сказала математичка мадам Котангенс, испорченным. Когда Вася успел испортиться, а главное, кто его испортил, не уточнялось. По умолчанию считалось: родители недоглядели, вот он и пошёл прямо по наклонной плоскости.

В этот раз больше всего маме досталось от преподавательницы русского языка и литературы. Опасаясь, как бы чего не вышло, та не только написала в тетрадке с неудачным сочинением о необходимости обратить внимание на качество и количество атеистической пропаганды, но и выступила перед родительским активом с зажигательным спичем о том, что попы не дремлют.

Сексуально неудовлетворённая и оттого особенно социально ответственная, она принесла «Словарь юного безбожника» и с торжественным видом положила его перед Васиной мамой на парту.

Тысячеглазка

По пятницам отец дежурил в больнице, ужинали молча и втроём – усталая мама, «на нерве» после школы, сонная к вечеру сестра Ленточка (младше Васи на семь лет), ну, и сам Вася, уткнувшийся в «Словарь юного безбожника» с бессмысленным набором букв.

Маме, которую бабушка Поля тайно крестила в детстве, конечно, неловко нести советскую пургу, однако она же должна как-то отреагировать на критику, хотя бы и бредовую. Научить сына вести себя единственно верно, подстраховать его перед всякими возможными ситуациями. Поэтому теперь, чтобы слова её дошли до сознания адресата, она старается выглядеть строгой. Но получается неважно: мама у Васи с Ленточкой добрая.

– Тебя послушать, так такое ощущение, Вася, что вся рота у тебя идёт не в ногу, один ты правильно идёшь.

– Ты знаешь, мама Нина, это странно звучит, но кажется, что так оно и есть. Не знаю, как объяснить. Но я прав, а они – нет!

– Но их много, а ты один. Плетью обуха не перешибёшь: каждую секунду за тобой со всех сторон наблюдают тысячи глаз, поэтому нужно постоянно думать, что ты делаешь и что говоришь...

– Вот и бойся свою тысячеглазку, мама, а я не буду!

Нам не дано предугадать

Странный этот разговор (поди пойми со стороны, о чём это он) прерывает неожиданный рев Ленточки. Взрыв её слёз (сильно спать хочет?) спасает от абсурдных диалогов в духе Ионеско. Мама берёт Ленточку на руки, начинает укачивать.

На следующий день, когда Вася забирает Ленточку из садика, сердобольная нянечка Марья Ивановна, пока сестра прощается с детками и надевает колготки, берёт его под локоть, отводит в сторону.

– У вас дома всё хорошо?

Вася не понимает природу участия женщины в белом халате, вопросительно смотрит Марье Ивановне в глаза с просьбой об объяснении.

– Ленточка сегодня очень беспокойно себя вела. Во время сончаса металась и плакала во сне, проснулась в дурном расположении духа и, когда группа её собиралась на прогулку, запугивала наших подготовишек, что на улице всех их ждёт страшная и ужасная тысячеглазка, которую следует опасаться и от которой нужно всё время прятаться, отказывалась идти гулять, пряталась под кроватью и никуда не хотела идти.

Часть первая. Первый подъезд

Куйбышева, бывшая Просторная

Для того чтобы попытаться привести зрение в порядок, нужны постоянные упражнения на «*мускулатуру хрусталика*»: следует поочередно концентрировать взгляд на том, что вблизи, и том, что вдали. Десять минут в день. Именно поэтому на окно комнаты, называемой в семье «залом», лепится красноватый кружок.

Интересно, конечно, отчего для занятий по технике зрения Вася бессознательно выбрал именно западную (то есть во двор) сторону квартиры, а не восточную (без людей), выходящую на дорогу, отделяющую городскую застройку от небольшого одноэтажного посёлка, про который через пару лет мальчик напишет стихи:

Пыль сонных и пустых предместий,
Любой проехавшей машине,
Чья скука – города предвестье,
Слепой кивает куст малины...

Хорошо жить на окраине, будто бы вне регулярного расписания (школа не в счёт, так как она похожа на сон) и смотреть, как в палисаднике встаёт трава в человеческий рост, увенчанный пыльными бутонами отёчной мальвы, издали похожей на странницу в домотканом украинском костюме.

Слова народные

Васина мама одно время принялась обихаживать эти беспризорные заросли под окном их квартиры на первом этаже. Разбила клумбы, посадила цветы: непривередливые и ко всему готовые ноготки, годецию, анютины глазки, кустовые ромашки с кудрявыми оторочками, совсем уже беззащитные колокольчики, шершавые люпины, шафран, бархатцы и даже настурции, которые, впрочем, уже точно не выживали.

Первой в жизни народной песней, услышанной Васей от деда Савелия, было – «...а мы просо сеяли, сеяли...». Старика очень уж увлекала обрядовая часть песни, из-за чего каждый раз повторялась одна и та же мизансцена.

Дед начинал петь всегда спокойно и вдумчиво, сочувственно изображая партию создателей и землепашцев, но после этого с не меньшим проникновением, а иной раз и вовсе впадая в раж, исполнял противоположную партию.

– А мы просо вытопчем, вытопчем, – выкрикивал он, всё более и более подпадая под власть демонов-разрушителей, наступая на невидимых противников и стараясь поднять ревматическое колено как можно выше. Чтобы если уж вытаптывать просо, то без какого бы то ни было остатка, без единого следа, до основания, чтобы только «*а затем*» будто бы очнуться от морока и снова встать с другой стороны, начав с очередного нуля...

– А мы просо сеяли, сеяли...

Ну, и вновь затем переметнуться во враждебную стаю, дабы история продолжала бегать по замкнутому кругу, как это на наших широтах принято. Тем более что деда увлекала,

кажется, именно разрушительная часть русской песни. Именно она позволяла ему вызвать чёртиков азарта, да и выплеснуть их наружу до донца. До слепого конца.

Онтология Параша

Чем больше мама разводила под окнами сельское хозяйство, тем сильнее привлекала к палисаднику внимание соседей. Жившая на третьем этаже подслеповатая баба Паша с бельмом на правом глазу, похожая на маринованный корнишон, кажется, и вовсе поселилась на лавочке, несмотря на ненастье.

Ни вреда, ни пользы окружающему миру баба Паша не несла (хотя однажды осенью Вася застал её за тем, как, зашмыгнув в подъезд, она тщательно вытирала калоши об их коврик – раз уж он на первом этаже постелен и как раз по пути лежит, то чего чужому добру пропадать?), но проследивалась какая-то неочевидная закономерность между её флагманскими дежурствами у подъезда и степенью затоптанности цветника, разор которого, нараставший противоборством маминым инициативам, как бы она не билась, касался только окультуренных растений, но не самодостаточного самосева, брызжущего в разные стороны зелёной кровью. Словно бы лежала здесь, на бывшей Просторной, особая почва, ни за что не желающая окультуриваться и тем более служить людям.

Цветы ещё не выросли, а соседи и «родственники кролика» со всех пяти этажей первого подъезда, а также примкнувшие к ним соседи из ближайших подъездов и пятиэтажки напротив уже спешат будто бы насладится растительными ароматами и их эфирными маслами. Заводят встречи у низенького заборчика, подслеповато (слишком уж увлечены дворовыми сплетнями) топчутся в опасной близости у палисада.

Разговорчики в строю

– Как, вы действительно не знали, что Фанни Каплан умерла совсем недавно? На одном закрытом совещании лектор из ЦК рассказывал, что по просьбе Ленина, Владимира Ильича, её не расстреляли, но сохранили жизнь для того, чтобы она хоть одним глазком посмотрела, как люди будут жить при коммунизме и как сыр в масле без денег кататься...

– Не успели, значит, Капланиху на Анжелу Дэвис-то обменять – я так-то слышал, что её должны были в Штаты выслать, чтобы хоть какая-то польза от еврейки была...

– Путаете. И не на Анжелу Дэвис, которую, между прочим, давно освободили, газеты читать надо, а на Леонарда Пелтиера, ему как раз два жизненных срока впаяли.

– Да что вы, женщина? Я думала, что последним удачным разменом стало спасение товарища Лучо – нашего дорогого Луиса Корвалана, выкупили которого за очень огромные деньги, но тогда международная политическая конъюнктура позволяла это сделать, не то что теперь, из-за оголтелой гонки вооружений, будь она неладная.

– Ваша правда, сосед, за свободу товарища Лучо никаких денег не жалко. Только я всё никак изошрённой логики империализма понять не могу: два пожизненных срока – это как? После смерти он всё равно в тюрьме гнить остается, что ли?

– Именно. Вот тогда-то его останки на пепел Капланихи и обменяют, чтобы уже точно никому не повадно было.

Подставляя лицо солнцу, вечная баба Паша с готовностью и полным самопожертвованием солирует во всей этой кружковщине, то ли по праву хозяйки, то ли как домовый или же оберег. Как фамильное привидение первого подъезда.

Занятия по технике зрения

Вот и сейчас, стоя у окна, Вася видит: школьницы, живущие в *нашем* подъезде, с их тщательно убранными причёсками (прирученные чёлки, прикрученные банты, похожие на антенны или бутоны всё той же мальвы), в строгой форме (белые кружевные передники надеты поверх чёрных платьев с длинными рукавами, повязаны тщательно выглаженные пионерские галстуки), сгрудив ранцы посередине своей живописной кучки, щебечут о чём-то волшебном. Им всегда есть о чём говорить, откуда темы берутся? И от подъезда никак не отойдут, точно окривевшая баба Паша, круглосуточно принимающая воздушные ванны, – тайный магнит; всё по домам, по квартирам, не разойдутся, словно бы важнее всего сейчас – срочно решить главнейшие дела. Спасти мир. Значит, это уже не осень, но, скорее всего, поздняя весна, и последние каникулы были весенними, самыми близкими к лету.

Вася видит, как школьницы задирают лица на фасад: это значит, что на балкон второго этажа вышла Руфина Дмитриевна Тургояк и монументально, словно бы с трибуны мавзолея, кричит дочке на всю округу:

– Маруся, я сварила гречневую кашу, когда поднимешься домой, оберни её одеялом – вечером вернусь, поедим.

Теперь все соседи оповещены: семейство Тургояк каждый день ест не абы что, но остродефицитную гречку. Рассыпчатую, полезную, насыщенную микроэлементами, долго доходящую под ватным одеялом. Могут себе позволить такое роскошество!

Тщета материи

На асфальте, параллельном дому, на аккуратном расстоянии друг от друга, раскиданы гвоздики со сломанными стеблями – значит, времени сейчас примерно три часа: хоронить-то начинают строго в 14.00, когда гроб выносят, городу и миру, из подъезда, где его уже ждёт нетвердый духовой оркестр с безальтернативным Шопеном, подвывающим в трубах.

Обычно такая процессия, молча шаркая ногами, идёт к концу дома, туда, где прощающихся на пустыре уже ждут ритуальные автобусы и открытый грузовик, предназначенный для самых близких. Тщета постоянно расползающейся материи поджидает советских людей не только в повседневности, но и в крайних, экстремальных точках жизни – достаточно сесть в такой пустой автобус или попасть в приёмный покой районной больницы, чтобы ощутить на себе настойчивое зудение пустоты – им в поликлиниках или на кладбищах заражены все предметы и даже воздух, задумчиво покусывающий ещё пока живых сзади за шею.

Нет, то не клопы, на которых списываются многие бытовые неудобства, но ужас уже самой этой материи, составлявший советскую жизнь, постоянно испытываемой на прочность. Упираясь в мусорные баки на пустыре, похоронная процессия мгновенно распадается, обращаясь в пресный хаос, наблюдать который неинтересно.

Все степенно грузятся и уезжают на кладбище, оставляя на асфальте единственное напоминание о чужом горе – цветы, раскиданные главной распорядительницей. Она скорбно идёт впереди гроба с огромным траурным букетом в руках, отщипывая от него по стеблю с гордым видом, свойственным человеку при исполнении или же высоколбой женщине с плаката военного времени, как проклятьем заклеянной чёрным платком вечного вдовства.

Человек, несведущий в советских обрядах, мог бы решить, что надломленные стебли под ногами – символ попорченной жизни. Так оно, вероятно, и есть, хотя, честно говоря, стебель гвоздикам ломают из сугубой прагматики – дабы лихие пропойцы, ни стыда у них, ни совести

и ничего святого, не смогли собрать разбросанные цветы, чтобы толкнуть их за бутылку возле павильона «Пиво – воды».

Вася знает, что смотреть на похороны через окно нельзя – плохая примета (однажды, примерно так же, засмотрелся через окно на хлопотливых людей в чёрном, играющих странный спектакль, и не заметил, как мамина пилочка для ногтей, которую вертел в руках, внезапно впиалась самым остриём в небо), поэтому пока процессия идёт мимо дома, он на красную точку не смотрит, отходит от подоконника, ждёт.

СКВОЗЬ НОВЫЕ ОЧКИ

Успевает, правда, выхватить пару деталей. Например, особое волнение бабы Паши – чужие похороны действуют на неё опьяняюще. И как внезапное бесплатное развлечение, меняющее ход дня, и как чужая беда, краем незримого крыла касающаяся всех. И как источник собственных сильных эмоций, ведь старухи, кажется, обязаны быть помешанными на предвкушении собственного ухода. Баба Паша покачивается от накотившего возбуждения, единственный глаз её налит вниманием, а губы пунцовы, точно Параша только что целовалась с кем-то взасос или же на время превратилась в вампиршу.

Геликоны приглушённо надрываются из-за ещё не выставленных вторых рам. Васе уже выписали первые в жизни очки под названием «*Пети*» (кажется, венгерские) – узкие, продолговатые, превращающие его в Знайку. Их он старается не носить, снимает при первой возможности (глаза напрягаются, устают, да и не хочется клички Очкарик), а в свободную минуту Вася идёт к окну, подобно автомашине, меняет ближнее освещение на дальнее.

Двор вновь пуст. Только соседки торчат у подъезда. Форточка закрыта, девичьих голосов не слышно, из-за чего кажется, будто все они движутся в немного замедленной съёмке – изображение слегка подвисает, отставая от интерпретации, и тогда бабы-Пашины кулачки начинают двигаться синхронно Васиному морганию: как если старушка находится в другой временной плотности, точнее, бесплотности, отдельно от девчат. В беспилотном пустом пузыре, лишённом воздуха, из-за чего движения соседки видны особенно чётко. Даже без очков.

В РАПИДЕ

К тому же девочки, одноклассницы Маруся Тургояк со второго этажа и Лена Пушкарёва с пятого, более юные Янка с четвёртого и Лена Соркина со второго (впрочем, разница в возрасте при личном общении у женщин, как Вася заметил, почти всегда отсутствует), а также немые близняшки Зайцевы, постоянно как бы перетекают друг в друга. Соседки по подъезду не разговаривают, но точно ведут хороводы, а бабулька в платке под цвет своего бельма, одной корнизонной рукой опирающаяся на клюку, совершенно одна, ей не в кого перетекать.

Похоронной процессии давно нет, но в воздухе двора словно бы витает окись геликонов и аромат тлена, а во рту у Васи каждый раз, когда он слышит этот марш Шопена, возникает умозрительный пепел или же пыль, похожая на золу, будто горелая. Именно такой вкус, вероятно, сопровождал варварские жертвоприношения – накануне Вася читал «Легенды и мифы Древней Греции»: люди Эллады буквально на каждой странице и шагу не могли ступить без костров, на которых сжигали безответных животных. Их обугленные кости горчили и по ночам кровоточили в Васиных снах, а звуки Шопена, даже окончательно истлев в весенней беспредельности, вызывают тошноту, напоминающую запах, созданный на основе экстракта коммунистических тубероз.

Выводок мальвы кивает ветру. Вася молча стоит у окна, колукает пальцем подоконник и отчётливо видит, хотя пока ещё не понимает, что девочки да – это то, что совсем нестабильно, постоянно колыхается и стремится куда-то затечь, ведь даже баба Паша тянет к школьницам сухие ручонки, для того чтобы влиться во что-то ещё, помимо себя, обязательно прислониться к тому, что сильнее и твёрже, устойчивее и спокойней.

Так цветы, высаженные мамой и поливаемые порой прямо из окна (под ванной стоит для этого маленькая лейка, пока мать, отчаявшись дожидаться хотя бы символического урожая, не отвезёт поливалку на дачу), льнут друг к дружке, образуя гибкое единство.

Кланчик первого подъезда

Мимо щебечущих учениц проходит мама Янки, обвешанная рулонами туалетной бумаги. Тётка Люда – товаровед, ей подвластно все магазинное закулисье, из-за чего она буквально купается в дефиците и может отовариться всем, чем угодно. Другие соседи шастают по продмагам и караулят, пока выбросят ну хоть что-то дефицитное (а это, считай, весь продуктовый или промтоварный ассортимент), а тётка-Людина квартира, говорят, полная чаша – даже в туалете она давно не нарезает бумагу или газеты, а носит с какого-то таинственного склада (Васе он представляется сказочным замком) рулоны туалетных изделий высшего сорта.

– Живут же как белые люди...

Проглатывая слюну, Ленка Соркина явно говорит чужими словами. Та чувствует её взгляд (с той стороны стекла он кажется особенно тяжёлым), свою власть, оборачивается и зовёт Яну домой. Учить уроки. Янка – отличница, ей не нужны приказы, но все ж понимают, что сегодня тётка Люда – королевишна, вот она и ставит, почти обязана поставить эффектную точку своего прохода мимо, а про уроки учить – просто к слову пришло.

...Маруся, две Лены, Янка с четвёртого, тихие близняшки Зайцевы, для толпы – Васины подружки по играм, позволяющим близко подойти к чужой жизни или же приблизить её к самому лицу, чтобы с близкого расстояния рассмотреть в деталях.

Тайна рядом

Кое-что Вася, между прочим, уже понимает. Дорос. К примеру, чем человек недоступней (закрытей), тем интересней. Хотя бывает и наоборот: девочка держится букой, воображает бог весть какие тайны, хотя на самом деле ничего из себя не представляет.

У Васи в классе полным-полно таких мнимых тихонь. Как правило, они – троечники, поскольку основным критерием школьной успешности (и общественного авторитета) в пространстве советского равенства считается учёба. Отличницы выглядят краше одноклассниц – они и ухожены больше, и как-то странно степенны, точно знания накладывают дополнительные обязательства и осанку. А ещё они же спасти могут – дать списать, поэтому ими можно лишь любоваться. Бесконфликтно внимать.

Кажется, Лена Пушкарёва именно такая – меньше всех ростом, а учится лучше всех, почерк у неё округл, хвостики на голове торчат в разные стороны, но не озорно, а как-то осмысленно, точно слушают космос и извлекают из него питательные вещества, помогающие при подготовке домашних заданий.

Преддверье

Пушкарёва – самая таинственная из всех Васиных соседок: у всех девочек, так или иначе, он уже побывал в гостях. Кого-то звал во двор и был приглашен в коридор *подождать*, к

Тургойк он проникал уже даже на кухню и в их со старшей сестрой Светой (похожа на Софию Ротару) будуар, а Пушкарёва, которая ещё и не всегда выйдет, когда её зовёшь, пустила не дальше щелочки в двери, которую прикрыла за собой её мама, тётя Галя.

Вася стоит на площадке пятого этажа (выше некуда), ждёт перед дверью, пока Лена появится, в щель сквозняком из квартиры тянут таинственные запахи чужого существования. Пахнет большими оцинкованными кастрюлями на кухонных полках, балконом, открытым в придорожную полынью, растущую с восточной стороны дома, но больше всего кошками или даже, скорее всего, хомячками, что ещё термоядернее и экстремальней.

Впрочем, может, именно эта резкая вонь (рука не поворачивается написать «запах») и привораживает, как зелье, сваренное из легендарной поебун-травы?

Первый раз Вася попал к Лене внутрь с историей, оставшейся с ним насовсем и незаметно подсвечивающей все визиты на пятый этаж невидимым, но осязаемым излучением, когда стыдливому отроку нужно каждый раз прикладывать усилие, чтобы перешагнуть не только настоящий порог, но и психологический.

Слепая курица

Немного, что ли, не подрасчитал момент, забежав к Лене прямо после игр во дворе (попросили позвать на улицу для комплекта – играли же тогда, кажется, опять в Слепую курицу? Пушкарёва считалась в ней асом, выплывая в центр внимания под причет: «слепая курица на солнце жмурится...»), взлетел наверх, запыхавшись, а она его опять долго у двери мариновала, собираясь да прихорашиваясь, – сначала в подъезде, затем милостиво пригласила в прихожую. Вася резко захотел в туалет, причём по-большому, что добавляло конфуза, мялся в одиночестве, не решаясь уйти или протиснуться в кабинку, щёлкнуть выключателем в темноте чужого коридора (где любые звуки разносятся сильнее), на незнакомой территории, хорошо ещё, что на шум его внутренних чувств не выглянули родители, ну да хоть какое-то смягчающее обстоятельство.

Поняв, что уже не держит, ломанулся в сортир, с облегчением упал на чужой стульчак (ходуном ходивший, шершавый по краям), корчась от миазмов, поначалу отгонявших запахи незнакомого отхожего места, а потом смешавшихся с ними в густую симфонию. Вместо бумаги увидел аккуратно нарезанную газету, как у многих тогда было принято, значит, надо растирать её пальцами до слома внутренней структуры листа, когда поверх типографской краски начинает проступать бархатистая сущность «Труда» или же «Советской России». Лучше, конечно, размять бумагу заранее, чтобы времени на зияющее отсутствие (разумеется, *все* же сразу увидят, что его нет на месте, и сразу *все* поймут) ушло как можно меньше.

Но и это ещё не всё

Вода в бачке отсутствовала. Вася жил на первом и не знал, что водопроводной тяги до пятого хватает не всегда – у Пушкарёвых это типичный бытовой момент, ничего особенного. Но для него, первача, разверзлась бездна, наступила катастрофа. Подталкивал какашки газеткой, подтирал разводы на бетонных сводах, размазывая их в тушё, наводил порядок, забыв о времени и пространстве, пока Лена не постучалась.

– Всё там у тебя в порядке?

Точно кислородный шнур скафандру перерубила. Пришлось мычать в ответ, тихариться, стараясь не производить никаких звуков, пока она по-хозяйски не пнула дверь, демонстрируя чёткое понимание ситуации, показавшееся Васе проявлением аналитического ума.

– Кастрюлю с водой возьми, пожалуйста. Иногда у нас так бывает.

Он уже не помнил, как закончил наводить порядок, почему-то стараясь тратить воду по минимуму, точно это могло хоть как-то восстановить репутацию. На шум в коридор выглянула тётя Галя с энциклопедическим пониманием во взгляде и таким же стоическим русским смирением. Поразительно, что Пушкарёвы никогда ему этот конфуз не вспоминали (даже годы спустя, за которые накопились размолвки и ссоры), словно бы тогда ничего не заметили.

Так, значит, и свёл знакомство с соседями.

Последний становится первым

Вася стоит у окна, тренируется с красной точкой на вдох и выдох. Если на девичьем выводке, табунящемся у подъезда, алеют галстуки – значит, дело происходит весной, причём после Дня пионерии, когда лучших из лучших на торжественном собрании принимали в кино-театре «Победа» в «ряды членов». От каждого класса (их в параллели пять, Вася учится в самом последнем, «д»), тогда как Маруся с Леной – в «а», и почему-то кажется, что в «а» скапливаются лучшие, сплошь будущие медалисты, в «б» определяют ребят похуже, в «в» ещё чуть слабее, в «д» же спихивают что остальным негоже) отобрали не больше десяти кандидатов, в основном отличников.

Вася тогда уже отличником не был – по всем, даже самым оптимистичным раскладам, в четверти у него вырисовывалось четыре четвёрки; а всё оттого, что первые два класса он отучился в одной школе, где был отличником, а после второго родители переехали сюда – на улицу Куйбышева (бывшую Просторную), значит, и школа у Васи вышла новая – с иными правилами и критериями, нет, не знаний, но соответствия здешней системе.

В коллектив он вписался сразу, а вот в стандарты местных учителей – не очень. Но шлейф «ударника коммунистического труда» по инерции ещё озарял какое-то время его светлый путь. Ну, или мальчиков, способных участвовать в «публичном мероприятии», из «д» класса оказалось не так чтобы много, за что его вместе с Андрюшкой Романовым (который учился ещё хуже, но был зачётным легкоатлетом и уже в третьем классе представлял район на соревнованиях повышенной важности) да вихрастым, вечно улыбающимся Гришкой Зайцевым включили в самую почётную, первую очередь. Позволили представлять.

Обратила внимание

Вася чувствовал себя на этом празднике добрых и честных людей слегка самозванцем. Вот и смущался немного, робел. «Перед лицом своих товарищей» был бледен. Районо откупил малый зал близлежащего кинотеатра «Победа», заполнившийся учащимися средней школы («ученическим активом») под завязку.

Кандидатов в пионеры вывели на невысокую авансцену прямо перед большим белым экраном и какое-то время потратили на то, чтобы расставить всех по росту, невзирая на чины и звания принадлежность к «а» или к «д». Так Вася оказался в самом конце «лесенки дураков», но зато рядом с соседкой – Леной Пушкарёвой, раскрасневшейся от первой публичности, напоминающей ей бал Наташи Ростовой, от буквального дебюта на сцене.

Вася видел, как Лена старается не выдать чувств, с каждым вздохом как бы погружаясь внутрь себя глубже и глубже. Точно смотрела там, внутри, кино, всё сильнее и сильнее увлекаясь сюжетом. Правда, на пару секунд она вдруг точно вынырнула из кинотеатра изнанки лобной кости, осмотрелась по сторонам, увидела рядом Васю (для него это наблюдение за ситуацией и за соседями стало собственным способом защиты) и, что мальчику показалось крайне важным, опознала его. Не узнала, но именно опознала, включив логику и таким косвенным

образом признав за Васей соседство. Потому что сорвала с носа уродливые очки в дешевой оправе и протянула их мальчику.

– У тебя же есть карманы в костюме? На, положи, потом отдашь.

И тут же интерес к Васе утратила, вновь обратившись внутрь – к своему немому кино обязательно про любовь, оставив соседа в потной гордости (оказала доверие!), перебившей *главное* волнение. Так, что даже позабылось, что стоишь *перед лицом своих товарищей*, перед пионерской дружиной, подгоняемой учителями в сторону светлого будущего, и вот уже совсем скоро, вслед за прочими передовиками, Вася выкрикнул имя и фамилию, как бы навеки при-мкнув к этой общности – советский народ.

Киностудия имени Довженко

Учителя, между прочим, тоже люди; им тоже хочется, чтобы обязаловка поскорее закончилась и показали кино. Да хоть какое, любое, в темноте можно закрыть глаза и уснуть на время, хотя, кажется, педагоги умеют спать и с открытыми глазами.

Поэтому церемонию сократили, заставив произносить клятву верности хором. Сначала, по цепочке, каждый из стоящих на авансцене выкрикнул себя, после чего «зазвучал нестройный хор» двух или трёх десятков обращённых.

– Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу...

Во всю мощь, словно бы раздувающую простор зрительного зала, врубают Гимн Советского Союза, и все начинают вставать. Дерматиновые сиденья кресел хлопают о дерматиновые спинки, из-за чего кажется, что в честь только что принятых пионеров дают салют или стреляет залпом почётный караул. Вася закрывает глаза, чтобы мир на миг погрузился во мглу.

Потом держит речь директор школы Чадин А. А., над которым у старшеклассников принято смеяться: однажды по-черномырдински косноязычный А. А., преподававший в старших классах обществоведение, пришёл на урок с бодуна и с расстёгнутой ширинкой. Теперь ученики каждый раз забиваются в каких трусах он придёт на урок, в розовую крапинку или в голубую полоску.

Бледный пламень

Вася, как и вся дружина, терпит начальственную речь. Пушкарёва стоит рядом и точно не дышит. Вася украдкой наблюдает за Леной, после переводит глаза на вдохновенного Чадина А. А., машущего руками и брызгающего слюной. Шов на его брюках и вправду расходится всё сильнее и дальше. Исподнего не видно, вглядываться неловко (все обязательно поймут, куда он смотрит): в свете люпитров Чадин А. А. похож на памятник революционеру, вырезанный из необработанного гранита.

Далее всех «принятых в организацию» отсылают к соученикам, единый строй рассыпается, но гасят краткий свет, начинается выцветшее кино «про войну», алый галстук жжёт грудь, точно в темноте жуёт её. Вася забывается фильмом, захлебнувшись смесью гордости и волнения, из-за которых суть события раскрывается ему не сразу и не до конца. С важными

вехами у него почти всегда так: к ним долго готовятся и торопливо ждут, пока наконец изменения приходят, обманув ожидания своей непохожестью на предвкушения и предчувствия.

Сюжет фильма ускользает. Рядом посапывает Гриша Зайцев, улыбаясь даже во сне. Вася теряет Лену глазами и сердцем, у него в голове сумбур вместо музыки и широкоэкранный фильм. Скорее всего, точно так же и Лена теряет соседа в складках сладких переживаний, не подверженных даже ацетону советского кинематографа.

Пионер-герой

Домой Вася бежит уже совсем один. За «Победой» обгоняет близняшек Зайцевых, они молча и как-то сосредоточенно лыбятся: рады, мол, за тебя. Ранец за плечами, курточка распахнута настежь, чтобы все встречные и поперечные могли видеть, как алеет галстук и что сегодня он – избранный.

Новое знание, впрочем, настигает его не сразу, практически возле дома, когда Вася заворачивает со школьного двора в сторону *их* родной коробки, как старшекласники называют свой второй микрорайон, замкнутый девятиэтажным кооперативом (все прочие дома квартала – пятиэтажки, стоящие прямоугольником, внутри которого – двор с площадкой для игр).

Это же очень удобно – жить в пяти минутах от школы. Некоторые ребята ездят с другого конца Северо-Запада, а у Васи есть хотя бы гипотетическая возможность никогда не опаздывать. Или успевать перед физкультурой переодеться не в вонючей раздевалке, но дома. Вася так и поступал в старших классах, после одного вопиющего случая, о котором ниже.

Собственно, сейчас он как раз и проходит мимо брандмауэра кооперативной многоэтажки, тылами стоящей к школе, и уже видит торец собственного подъезда. В этом месте всегда ветрено, и, поскольку курточка не застёгнута (пионерский галстук торчит из её глубин букетом гвоздик – Вася особенно тщательно следит за тем, чтобы кончики алого треугольника, купленного накануне в магазине «Спорт» за 70 копеек, ничем не придерживались, но развевались свободно) его пробирает до костей. Машинально он тянется к пуговицам, но тут же мысленно бьёт себя по рукам, поскольку всё ещё живёт под влиянием школьного торжества. И ему хочется, чтобы алый стяг видели все случайные встречные.

Пробуждение

Тут-то и случается *самое главное*, что делает день приёма в пионеры точкой отсчёта самосознания одной отдельно взятой личности. Вдруг он видит себя точно со стороны (чуть сверху) и слышит собственный голос, звучащий откуда-то изнутри. Может быть, из того самого места, которого касается шёлковый узел.

– Чего ты так раздухарился? Это же только ты знаешь, что тебе сегодня повязали алый галстук, а со стороны, сам подумай, ну откуда и кто знает, что ты ученик третьего «д» класса, принятый сегодня в пионеры? Может, ты носишь его уже много лет и тебе просто никто не даёт твой собственный возраст, а на самом деле ты, может быть, давно старшекласник, но просто куришь и оттого не растёшь как следует вместе со всеми. Вокруг таких красногалстучников – пруд пруди, так что постарайся выделиться чем-то другим.

– Да я ж не курю...

Вася возражает внутреннему голосу. Он мог бы сейчас даже рассмеяться от неожиданности (где – я, а где – сигареты), если бы не важность момента: так бывает порой, редко, но метко, в трудные дни, перенасыщенные событиями, когда из-за превышения обычной скорости существования открывается вдруг что-то вроде параллельного коридора, уходящего вдаль прямо сразу от правого уха, в котором (коридоре, хотя и ухе, наверное, тоже) складывается, не ожи-

данно проливаясь в полноту осознания, новая конфигурация знания о себе и мире вокруг. О том, что ты смертен и одинок.

На какие-то доли мгновения, точно лунная дорожка, уходящая далеко в море, или вот как край отклеившихся обоев, за которые теперь возможно заглянуть, приоткрывается вся твоя будущность – жизнь через десятилетия ежедневных пыток быть собой.

– То, что ты не куришь, это только твоя проблема, посмотри по сторонам: видишь людей? Все они когда-то носили или носят пионерский галстук. Их этим не удивить. И ты ничем от них не отличаешься, понимаешь, малыш? Им непонятна твоя сегодняшняя радость, запахни лучше курточку, иначе замерзнешь и заболеешь...

Тайная комната

Но Вася не берётся за пуговицы – до родного подъезда не более десяти метров. Не то чтобы на финал он чаял «случайной встречи», исполнив тем самым заложенную в нём кино-театром «Победа» обязательную программу с множеством пунктов: ведь это – первое крупное торжество в его жизни, свершившееся вне отеческих стен и семейного круга. Инерция праздника столь велика, что не поддаться ей целиком на какое-то время почти невозможно. Да и зачем сопротивляться этой радости быть со всеми?

Тяжесть нового зрения ошеломляет, переключая внимание на какой-то иной, заоблачный регистр, так что теперь не до галстука, не до пионерии: в подъезд Вася входит совершенно другим человеком.

Занести Лене очки – повод подружиться ближе, вне уличных игр на свежем воздухе. Когда посиделки у Пушкарёвой войдут в привычку, Вася вспомнит, как он стремился проникнуть в чужую квартиру, прикидываясь рассеянным, но ненастойчивым соседом.

В подъезде он сталкивается с аполитичной прогульщицей Соркиной, выносящей мусорное ведро, и молча (даже без привычного «привет – привет»), точно тень, просачивается мимо. Почему-то важно скрывать от всех (даже родителей) истинные мотивы поступков, казаться на поверхности поведения понятным и легко просчитываемым, но в глубине сознания быть немного иным. Точно есть в груди тёмная комната, дверь куда закрыта, а ключ потерян.

Советские переплёты

Комната Лены одета в корсет книжных шкафов, над которыми до потолка спят дополнительные книжные полки: вот зачем ей столько?

Вася уже знает, что тётя Галя работает в библиотеке², но связать это библиотекарство с обилием книг в Ленкиной квартире он пока не в состоянии.

Ещё Вася знает, что Ленкин отец, дядя Петя³, занимается переплётными работами: увлечение, распространённое в условиях товарного дефицита и больших тиражей литературных журналов, которых всё равно на всех не хватает. Потому что в библиотеках на «Новый мир» или «Иностранку» с очередным громким романом, одновременно читаемым всей страной, очередь, а подписаться на нужный ежемесячник практически невозможно.

Всё популярное в СССР нормировано и подлежит учёту. Профком родительской больницы распределяет дефицит среди врачебного начальства, оставляя простым служащим

² Последний подъезд этой же пятиэтажки, где одна из квартир первого этажа освобождена для общественных нужд. Вася зашёл в неё сразу после переезда: на входе, у кафедры выдачи, висит плакат, где нарисовано дерево, вместо листьев у которого – портреты русских классиков, заключённые в привлекательные овалы. За кафедрой сидела пухлая соседка, похожая на белочку.

³ Небольшого росточка, с щёткой аккуратных усов, похожий на деревянную, оробелую игрушку, прячущий доброту за толстыми линзами «очков для близости», способных даже самого злобного монстра сделать пушистиком.

остатки газетно-журнальной подписки, которую можно купить только на год, да и те разыгрывают в лотерею среди желающих причаститься. Желают практически все, из-за чего с какого-то времени отец Васи тоже увлекается переплётами, но не сам, а находит персонального мастера, раз в месяц приходящего за очередными подборками, их отец составляет, раздирая журналы. Импровизированные книги, сформированные по авторам или по темам, пользуются популярностью и постоянно гуляют по чьим-то рукам, совсем как в настоящей библиотеке. У отца есть шкаф разодранных журналов, ждущих очереди на трансформацию (иные подборки вызревают годами), и специальная тетрадка, куда он заносит книжных должников, потому что на некоторые сборники, переплетенные в дерматин, образуется очередь.

Дядя Петя ему не конкурент (в СССР вообще нет конкуренции), но Вася тем не менее чувствует себя засланным казачком, чуть ли не шпионом, призванным разведать тайны чужого хозяйства, которое сосед разместил в кладовке между комнатами (в одной живёт Лена, в другой – он сам с тётёй Галей), за холодильником. Там же живут их хомяки в пятилитровке изпод маринованных венгерских помидор. Зловонные крысы – это хороший и удобный повод, запомним.

Как бы невзначай, совсем мимоходом, Вася сунул нос в этот тёмный угол с полками, на которых громоздятся стопки белой бумаги, со временем превращаемые в тома. Эта метаморфоза волнует Васю не меньше Ленкиных косичек, хотя до созревания ещё далеко и интерес к другим людям бескорыстен, лишён пола, а значит, бесцелен.

Логика страсти

Кстати, Вася знает уже про логику страсти, из которой не вырваться, пока не заездишь её колею, но сейчас все его сильные чувства касаются вещей и явлений, а не отношений и тел. Возможно, оттого и хитрит, как умеет, скрывая подкладку желаний: ведь получается, что Лена – лишь средство достичь чего-то иного, вне её тёплых границ.

Именно страсть толкает на преступление: заглянув в кладовку, пока никто не видит (интересуясь якобы питомцами), Вася импульсивно хватает первые попавшиеся в руки куски подборки, собранной дядей Петей из журнальных публикаций, ну, допустим, Владимира Амлинского – был ведь когда-то такой преподаватель в литинституте, лауреат премии Ленинского комсомола за роман «Нескучный сад».

Потом выяснится, что Вася схватил тексты из его сборника «На рассвете, в начале дороги», так как не смог совладать с соблазном. Схватил, не думая, что делать с этим дальше. Но – пронесло. Мгновенно, тигриным прыжком, кинулся в туалет, спрятать уворованное под рубашкой. Потом сидел ещё пару часов с Леной в комнате, вёл разговоры с умным видом под чай и прел от стыда⁴ и бумаги, собиравшей и впитывавшей в себя весь его пот (уже топили).

К концу визита Васе казалось, что в бумаге завелись черви, извивавшиеся втихомолку под бумажными латами – точно он рыцарь, правда непонятно какого ордена.

Понедельник начинается

Когда Пушкарёва первый раз вошла в комнату Васи на первом этаже и осмотрела их стеллажи во всю стену, то гордо, даже нахально констатировала:

– Ну, у нас-то книг поболее будет...

Чем на всю жизнь поразила Васиного отца, привыкшего к интеллектуальному превосходству над всеми. И правда, книг у Лены было чрезмерно (все они в основном детские, яркие и оттого не сильно интересные), а вот в родительской зале, дверь куда держат закрытой, книг

⁴ Стыд, похожий на горчичники, коими обложили лицо, ему, кстати, понравился.

оказалось ещё больше. Сквозь стекла в двери видны полки от пола до потолка: родительские покои больше детской, из-за чего кажется, что и потолок там гораздо выше.

Раз за разом Вася проникает на запретную территорию (Лена пошла за яблоками на балкон и забыла закрыть за собой дверь или же зазвонил телефон, она зовёт к трубке маму, стряпающую на кухне пирожки), будто случайно застревает у полок, почти мгновенно осознавая степень пушкарёвского богатства: дядя Петя собирает (но как? откуда?) фантастику, а это уже даже не собрания сочинений классиков, доступных в любой интеллигентской квартире, но высший, запредельный класс соблазна!

Да, сейчас это может показаться странным: ну, в самом деле, к чему это взрослый, не лишённый солидности дядька все силы и деньги тратит на юношеские, одноразовые в большинстве своём книги?

А тогда и объяснять ничего не надо было – эти сокровища, нажитые непонятным трудом, звучали статусной данностью: фантастика – это же не только экономически важно⁵, но и крайне престижно. Глядя на неопрятного дядю Петю, никогда не скажешь, что этот подпольный миллионер Корейко обладает таким безразмерным кладом – ведь это всё равно как все полки пачками багряных червонцев забить! Ну, или зеленоватыми трояками как минимум...

Базовый инстинкт

Кстати, кем он работал? Слесарем? Технологом? Тихо пил горькую без видимых эксцессов и надрыва, сложно шёл на контакт, в чём Вася убедился уже скоро, хотя в бытовой меланхолии был лёгок. Тётя Галя однажды сказала Васе непонятную фразу, значение которой он осознал годы спустя: «А ведь Петя со мной очень мало был ласков...»

Почему она выбрала для откровения именно соседа-недоросля? Какая бездна встаёт теперь за этими простыми словами, омут пустой квартиры, где, кроме книг, нет особенной жизни, но – умозрительная пустошь и только. Даже дочка Лена, сидящая в тесноте своей светёлки наособицу, не способна разрушить хрустали семейной безвоздушности, даже зловонные хомячки, которых Пушкарёвы заводили постоянно, одного за другим, совсем как бездетная пара, замещающая звон одиночества вознёй бестолковых игрушек.

Вася знает, что фантастика – дело не совсем, что ли, серьёзное, есть более важная и настоящая литература высокого полёта, ему пока не доступная, тогда как дядя Петя выказывает что-то вроде рецидива инфантильности, несвойственной его возрасту (кстати, сколько ему, из-под майки выглядывает татуировка со Сталиным?) и внешности.

Даже Вася уже понимает – Ленкин отец хоть и пользуется возможностями (какими?), но идёт на поводу не у своих коренных интересов (чудится ему – дядя Петя этих книг не читает), а у моды и общих мест советской культуры, навязывающей ему предпочтения. Точно так же начинающий писатель, ну, или много думающий о себе интеллигент (словечка «продвинутый» и тем более «интеллектуал» тогда в хождении не водилось) обязан хранить на антресолях подпольные распечатки Шестова, Розанова, Шри Ауробиндо, Кьеркегора и что-то вроде Камасутры или секретного доклада ЦРУ, посвящённого визитам НЛО.

Следование чужой траектории было у дяди Пети столь сильно выраженным, что под это его поле легко подпадал и незащитный подросток, начинавший точно так же подделываться под моды и общепринятые представления о прекрасном, как если это точно поможет выглядеть в глазах соседей «своим» и «нормальным». Зачем ему это нужно? Пока не осознаётся, но почти факт, что нужно.

⁵ Ибо с такими запасами соседу, значит, любые «натуральные обмены» доступны, как книжные, так и товарно-дефицитные.

Пароли и явки

Вскоре к нему привыкли; то, что он зависает у Лены до вечера (вспомнить бы сейчас, о чём они говорили тогда часами, чем занимались, невинно коротая сумерки), если уроки исполнены, а на улице дождь или снег. Иногда Вася просачивается к стеллажам, желая одного: чтобы таинственный дядя Петя застал врасплох и обнаружил существование маленького человека, сделал его видимым. Разумеется, так оно, рано или поздно, случилось. Совсем по-книжному.

– Фантастикой интересуешься?

Причём сам же спросил, не подозревая, в какую ловушку угодил, никто его не подталкивал к этому, за язык не тянул. Нужно было что-то сказать настырному школьнику, явно вышедшему из своих берегов, и Вася не мог упустить такого шанса.

– Не то слово.

Уже тогда Вася был начитан и мог невзначай сыпать доступными ему именами. Герберт Уэллс, Жюль Верн, Беляев, Иван Ефремов. Главное, чтобы не останавливали. Станислав Лем. Братья Стругацкие.

Скорость света

Но сосед и не думал останавливать соседа: кажется, его тоже застигло врасплох несоответствие между возрастом и содержанием. Решив проверить смышлёныша (на мякине не проведёшь, хотя никто и не думал хитрить: Вася изо всех сил изображал простодушие, обеспеченное золотым запасом непрожитых лет), он спросил его, взяв с полки первый попавшийся том, который открыл наугад, а там сноски внизу у самой что ни на есть случайной страницы.

– Если ты любишь фантастику, то какова скорость света?

В этот момент Вася выдохнул, поняв, что экзамен сдан и он принят в лигу книголюбов, так как, практически роясь в кустах, знал про 300 000 километров в секунду. На полмгновения он даже мысленно поразился простоте вопроса. Пушкарёв мог бы и позатейливее что-то придумать, более иезуитски запутанное – про онирофильмы или бластеры из очередного романа Гарри Гаррисона, доступного советскому читателю по остродефицитной серии «Библиотека современной фантастики» издательства «Молодая гвардия». Вася выменял пару разрозненных томиков у Генки Живтяка и у Тёмы Смолина, одноклассников, точно так же, как и он, заражённых вирусом собирательства, уж и не вспомнить на что, хотя, конечно, про скорость света – это что-то совсем уже устарелое. Для двоечников.

Такие киношные совпадения (словно неумелый сценарист левой ногой ваял) казались Васе, выросшему на приключенческих романах, естественным проявлением: а) реальности, время от времени прорывающейся через быт; б) вселенской справедливости, привычно и легко помогающей маленькому человеку встать на правильную лыжню. Куда он по ней зарулит – дело десятое, важно нежно, но по-родительски упрямо подталкивать ребетёнка в сторону светлого будущего.

Утопия на марше

Попадая в подобные совпадения, когда обстоятельства, словно бы смазанные маслом, скользили в нужном ему ключе, Вася слышал беззвучный шелчок судьбы, распаивающей перед ним очередные двери. В пубертате, казалось, так будет всегда, дверей у его биографии – совсем как лампочек в новогодней гирлянде или книг в библиотеке – бессчётное множество.

Наивность соседа вышла вопиющей. Вася, оказавшись он на месте дисциплинированного (внутренне равнодушного, будто выстуженного изнутри) дяди Пети, одним вопросом не огра-

ничился бы. Поначалу он так и думал, что про скорость света – начало, разминка перед «самым главным», которое настроился мужественно выдюжить, да так и не дождался. Соседский экзамен, как любая советская процедура, вышел выхолощенным, как и осведомленность дяди Пети в сфере литературного фантазирования, протянувшего Васе растрёпанный том про сложности строительства коммунизма на Марсе.

Захватив первую высоту, Вася решил не останавливаться. Тут он выдохнул, но затем вновь набрал воздух, попросив иногда, время от времени, ну, то есть не системно, разумеется, не в системе, брать некоторые, гм, новинки и читать, читать, читать...

Словно бы услышав потаённые Васины размышлизмы, дядя Петя задумался, а потом как раз и спросил про скорость света, а потом ещё, видимо для «контрольного выстрела», сколько человек погибло в Челленджере. Семерых одним ударом, ответил Вася. Остроумно, как ему тогда показалось. С подтекстом.

Рыбак рыбака

За всем этим, стоя в дверях, наблюдала Лена, которую происходящее, вообще-то, не слишком устраивало: потаённо она была властной девочкой, просто пока ей не над кем было королить, из-за чего, конечно же, ей нравилась власть над соседом, робким и умным (да ещё отчего-то интересным подруге Тургояк), а тут, значит, влияние её ускользало, переходя под юрисдикцию более высоких инстанций. Впрочем, и она ведь была не промах – непонятно откуда, видимо интуитивно, от рождения, опытна, искушена. Когда они остались вдвоём в девичей, Лена сразу взяла быка за рога.

– Хорошо, я позволю тебе брать у отца книги, но только с одним условием: у тебя же есть заграничные марки. Так вот за каждую книгу их хочу.

– Что именно, Лена?

– Я хочу пару штук про животных или цветы...

– Снегопад-снегопад... Если женщина просит, бабье лето её торопить не спешит...

– Не смей меня, Васька... Но очень-то уж на Нани Брегвадзе у тебя получается похоже...

– А я и не спешу. Брегвадзе копировать просто. С таким-то акцентом.

– Да ты просто кривляться любишь. Хлебом тебя не корми.

– Ну, и не корми, всё равно не в коня корм.

– Короче, я тебе своё условие выставила. Хочешь налогом это считай, хочешь пошлиной.

Облатка по-советски

Марки Вася собирал с отцом. Коллекция у них была большой, так как отец не скупился на приобретения: и пока папа ещё только выходил на «магистральную тему» собрания, решив, что им с сыном интересны марки про почту и про изобразительное искусство, он успел наметить массу экземпляров с изображениями растений и зверей, яркие, сочные серии из экзотических стран, недоступные ни в киосках, ни даже в единственном филателистическом магазине города.

Как-то Вася хвастался запасным кляссером перед соседками, и, вероятно, тогда Пушкарёва положила глаз на пару таких серий, а теперь, внаглую, вымогала, угрожая перекрыть кислород сладкому чтению почти до утра, всем этим часам, лишённым часовой стрелки, когда время останавливалось, а пространство, раздвинув границы, становилось бесконечным. Почти бесконечным. Чтение, словно бы заботливо подтыкавшее одеяло со всех сторон, амортизировало реальность, а также границы запойного погружения в чужой вымысел, накладывающегося на собственное внутреннее кино.

– Хорошо, Лена. Договорились.

Уже в следующий раз Вася принёс Пушкарёвой пару глянцевого лоскутка с обратной, намазанной клеем, из-за чего, пока мчал на пятый этаж, марки пристали к потной ладони, будто не хотели расставаться. Но Васе их было не жаль, ведь извлекались они из запасного, обменного класса и большой роли в судьбе не играли. Да и папа вряд ли заметит исчезновение пары другой раритетов «из Занзибара» и «из страны Гваделупы», ведь они же не про картины и тем более не про царей (царские марки ценились особенно, примерно так же, как и фашистские с Гитлером в профиль).

Вася понял тогда, что женщины – непостижимые существа, лишённые бескорыстия, и что, общаясь с ними, всегда нужно быть начеку, знать цену не только себе, но и им, поскольку за всё важно платить.

Уроки мира

Списывая у отличниц и помогая им в том, что умел сам, Вася знал, что отношения между людьми подразумевают какую-то выгоду, однако школа – это одно, одноклассники – по определению случайные люди, но выходит, что и соседи («друзья») тоже тебе совсем не родные. Они, казалось бы такие близкие, тоже могут относиться к другим со всей очевидной пристрастностью и желанием пожить, нагреться на невинности чужого существования. Это же нормально, что, стоит пройти по подъезду, за закрытыми дверями течёт-проистекает чужая, самодостаточная жизнь. Открытием стало, что можно жить своим, чуждым интересом, у всех на виду, не отгораживаясь закрытой дверью и даже не скрывая низости натуры.

И вот ведь ещё что: оказывается, нет и не может существовать единой для всех шкалы хорошего и плохого – каждый выступает как умеет, как может. Идёт точно сквозь снежные сугробы, наобум. И ничего с этим не поделаешь, приходится принимать единственной данностью. Для Пушкарёвой кажется естественным всосаться в расклад между отцом и соседом, наложить на их уговор таможенный сбор, откусить ей не принадлежащее. Вася никогда бы так не поступил. Несмотря на это, он не торопится осадить или тем более осудить Лёну, относясь к её поведению как к данности. Как к дождю за окном.

То, что, отдавая Лёне марки, он нарушает их общее дело с отцом, Вася не думал: до какого-то возраста родители воспринимаются сугубо потребительски, бездонной бочкой или же принципиально возобновляемым ресурсом, черпать из которого, ни о чём *таком* не задумываясь, можно до бесконечности. Ведь родители всевластны, и если чего-то не хватает, то лишь потому, что им нет никакого дела до фирменных джинсов или до японского двухкассетного магнитофона.

Боттичелли по-чердачински

Вообще-то, ближайшая подруга Лёны – Маруся Тургояк со второго этажа, энергичная, пухлая, рыжеволосая. Весёлая, слегка нелепая, смешливая. С большими, лучистыми глазами. Роскошные густые пряди («да-да, как у женщины, которая поёт...») Маруся расчесывает, стараясь их приручить, сделать менее заметными, управляемыми, точно волосы её – непокорная внутренняя хтонь, рвущаяся наружу через все препятствия и барьеры. Став чуть старше, Тургояк будет гордиться своим струящимся, боттичелиевским золотом, делающим её не похожей ни на одну девушку мира, мыть его отваром из ржаного хлеба, не допуская до локонов мыла или дефицитных тогда шампуней, а пока она стыдится яркости и веснушек, рассыпающихся по лужайке лица полевыми цветами.

Однажды, ещё в третьем классе, учительница по-соседски (живёт в близлежащей пятиэтажке) попросит Марусю отнести её сумку домой. Возмущённая таким приказанием школь-

ница не сразу найдёт, что ответить, согласится, но всю дорогу от класса до преподавательской квартиры будет пинать ненавистный баул, выражая протест просьбе, от которой нельзя отказаться. На её огненный темперамент Вася обратит внимание позже, хотя уже сейчас Маруся Тургояк – явный центр их детской компании ребят из первого подъезда, где, вместе с постоянно занятыми на работе родителями, живут одни только девочки⁶, прилежные ученицы, послушные дочери и младшие сёстры: она – главный заводила дворовых игр и сокровенных разговоров по углам, в которые Васю попросту не допускают. Он надеется, что это временно и любую ситуацию можно решить как задачу. Найти в неё дверь или придумать отмычку.

Белый шум

Вася чувствует, как меняются разговоры девочек, стоит приблизиться к ним во дворе: точно они – разведчицы, заброшенные в тыл врага и им важно сохранить свою тайну. Из-за чего лица, только что заинтересованные друг в друге, мгновенно становятся нейтральными, как и беседы, которые никогда никуда не ведут. И только сёстры Зайцевы не успевают быстро перестроиться внутри своего молчаливого моря, беззвучно выдают заговорщиц бледными лицами.

– Васька, слышал, что в ЮАР расстреляли группу «Бони М»? Когда они там были на гастролях, автобус их остановили расисты местного апартеида, вывели на горячий песок и расстреляли?

– Нет, я слышал только, что Демиса Руссо из-за его вечного жора разорвало.

– Да ты что, а он так мне по «Утренней почте» нравился, сладкий такой. Жаль, конечно. Зато я точно слышала, что Зыкина – любовница Брежнева.

Пушкарёва делает большие глаза: её секретик – самый эффектный, вот она его и оставила напоследок.

– А мне тут рассказали про огромные подземные урановые рудники, куда ссылают всех бандитов, приговорённых к смертной казни. Их не расстреливают, но отправляют за Полярный круг, работать в нечеловеческих условиях. К маме в библиотеку ходит одна женщина, так вот её шурина приговорили к расстрелу за валютные операции. Но однажды она шла по Красного Урала и он идёт ей навстречу, только совсем опустившийся, на себя не похожий. Без зубов и глаза отводит, смотрит в сторону. Она рванула к нему, а он, как её увидел, побежал на другую сторону перекрёстка, еле под машину с прицепом не попал. Его с урановых рудников на побывку отпустили – сорок пять лет исполнилось, надо было фотографию в паспорте поменять.

Бычий цепень

Каждая из подружек старается перешеголять всех осведомлённостью, забить финальный гол, дотянувшись до максимально возможной в СССР правды. Примерно так красивые, рослые люди играют в баскетбол, толкаясь возле вражьей корзины, когда уже невозможно пасовать друг другу и победить можно лишь прицельным ударом.

– Ох, девочки, кстати, про прицепы: недавно на Артиллерийской перевернулась бочка с квасом.

– Поди разлилась вся?

– Это-то ладно. Бочка развалилась по сварному шву, а там внутри, на стенках, – кишмя кишат опарыши.

⁶ Есть, правда, в первом подъезде пара мальчиков – Андрей Козырев из первой квартиры, над которым, словно проклятье, довлеет профессия отца («...в органах работает...»), из-за чего все обходят Козырева стороной, а также простодушный Ильдарка. Их и не видно вовсе, даже в подъезде или в молочном магазине никогда не столкнёшься, только «здрасьте-здрасьте» и дальше по своим непонятным делам побежал, в секцию какую или в кружок по фото. Как собачка, которая одна только свою травку и знает.

- И не опарыши, а ленточные глисты.
- И не глисты, но бычий цепень, длиной метров так на двадцать.
- Всё было не так, девочки. И не на Артиллерийской, а на Богдана Хмельницкого, и не у нас, а в Волгограде. В прицеп врезалась милицейская машина. Бочка развалилась, и из неё выпал труп немолодого мужчины, давно находившегося во всесоюзном розыске...
- Кстати, про бычий цепень. Мне объясняли, что конский возбудитель настолько мощное средство, что всего одной его капли, разведённой в бочке, достаточно, чтобы возбудить целое стадо...
- Откуда, Васька, знаешь? Сам, поди, пробовал? А про бром в армейский чай ничего такого не слышал? Не слышал? Ещё услышишь, погоди, придёт срок.
- А про красную плёнку?

Последыш

Вася же не знал тогда, что межполовое общение устроено столь же затейливо, как и межвозрастное или межрасовое, потому-то и думал, что девочки лично его воспринимают с дистанцией и прохладцей лишь оттого, что он припозднился проявиться здесь, на Куйбышева, уже в сознательном возрасте, окончательно сложившимся человеком.

Вася переехал сюда, на Куйбышева, с улицы Лебединского, там закончив второй класс, то есть влился в уже отлаженный коллектив, когда роли давно распределены и закреплены за каждым, совсем как в бродячей труппе комедии дель'арте. Где Пушкарёва, на контрасте с шумной и волевой Тургояк, её правая рука, первая советница в каверзах и интригах, работает серым кардиналом. Кажется, вдвоём они образуют архетипическую дуальную пару в духе Дон Кихота и Санчо Пансы, Шерлока Холмса и Доктора Ватсона: Тургояк блистает на подмостках всеми признанной прима-балериной, тогда как Пушкарёва держится в тени, мушиным жестом поправляя очки, постоянно сваливающиеся на кончик слегка заострённого носа.

Поэтому, как это обычно водится в таких микроколлективах, новичок замечает первым делом солнцеликую Тургояк, обращая внимание на её товарок, лишь по привычке к слепящему свету бесперебойного обаяния, скрадывающего оттенки и полутона. Насытившись первыми приступами общения, такой дебютант начинает озираться по сторонам, находя всё новых и новых девчонок, противящихся записи в свиту, но, тем не менее, сподобившихся стать только частью подъездного целого.

Дело в том, что другие соседки, может быть, и неосознанно стремятся отодвинуться от этого летнего, палящего влияния Марины, тогда как Пушкарёву устраивает её первородство и сила, в которой она купается, точно в южном море, становясь более сильной и, что ли, проявленной в мире – своего-то темперамента у неё на это явно не хватает.

Амон Ра

Вася помнит, как они переезжали на первый этаж и грузчики ещё носили вещи, а Тургояк со свитой уже сидела на лавочке возле подъезда и разговаривала с новыми соседями похозяйски вкрадчиво, деловито. Она не то чтобы обязательно хотела понравиться, но наводила порядок внутри собственного пространства, где образовались дополнительные обстоятельства, которые теперь не объехать – ведь чтобы спуститься с её второго этажа и выйти на улицу, нужно пройти площадку с квартирой новых знакомых. Мороз-воевода дозором обходит владенья свои. Ну, и мальчик, опять же. С причёской Муслима Магомаева. Стройный как Конкорд. Первый парень на деревне, остальные давно забракованы. Как же перед ним теперь свой златогривый хвост не распустить?!

– Представляешь, у нас в школе у одного мальчика столько жвачки было, что он из неё огромный шар намотал, у него просто родители долгое время за границей работали. Так он из неё себе целого игрушечного снеговика создал...

А был ли мальчик? Не забыть спросить потом, чтобы показала на переменке. Маруся журчала с деланным светским прононсом, делаясь сокровенным, словно бы комок недожёванной резинки – очевидный символ богатства и самое желанное приданое из всех возможных.

У советской детворы, впрочем, так оно долгое время и было. Редкие дары из заграницы зажевывали не сразу, смаковали по частям, нюхая этикетки и фантики, продолжавшие хранить пыльцу волшебной амброзии. Ну и, разумеется, жевали фабричную резину до последнего, пока она, давным-давно потерявшая даже намек на вкус и цвет, не начинала распадаться на отвратительно рыхлые лоскуты.

Золотой запас

Соль рассказа Тургояк была в том, что её мифологический персонаж проявлял удивительную, любому внятную (даже и объяснять не надо) силу воли не доводить жвачку до крайнего предела исчерпанности, но, сорвав цветы дебютной дегустации, будто бы откладывая её в сторону, добавляя к уже существующим фрагментам, точно лепил из западной резинки Голема. Собирая неповторимый и совершенно бесценный букет по частям в течение достаточно долгого времени.

Вася же в это время представлял себе почему-то нечто иное – жука-скарабея, медленно собирающего вокруг себя мусор в огромный пузырь, намного превосходящий его по размерам... и толкающий его впереди себя... упираясь в него костяным рогом... невидимым, может быть, со стороны...

Мусорная тема и ему не чужда. Как и многие подростки, Вася мечтал найти на улице деньги. Но пока попадались (если из реально полезного) пуговицы да бельевые прищепки, которым всегда радовалась мама. Ну, или делала вид, что радуется. Взрослых не поймёшь, они же особо запутанный антропологический вид, не то что дети.

Ещё Вася любил находить на земле осколки виниловых пластинок. У него есть мечта однажды соединить их в нечто единое, собрав как мозаику, наклеенную на тончайший слой пластилина, очертания которого повторяют блин стандартного диска.

Кружатся диски. Проект

Если всё в такой мозаике совпадёт заподлицо как надо и пластилиновые швы окажутся минимальны, может выйти музыкальный коллаж, возможно обладающий волшебными свойствами. Главное только этим вдумчиво заняться. Подкопить побольше находок и когда-нибудь заняться подгонкой их друг под друга.

Понятно, что иголка проигрывателя, запинаясь о края отдельных фрагментов, будет портиться, даже если границы кусков заполировать идеальнейшим образом. Но и это не страшно – в магазине «Олимп» (Вася специально смотрел) игл таких продаётся много, все они доступны по цене, никакого дефицита в этом ассортименте, слава богу, не наблюдается.

В детстве накапливается множество подобных завиральных идей, постоянно откладываемых на потом, чтобы затем никогда их не осуществить. Несмотря на явную неадекватность, они, тем не менее, из сознания никуда не деваются, растут вместе с носителем, мутируя, точно вирус, плывут внутри полуутопшей Офелией с картины Джона Эверетта Милле, незаметным распадом участвуя в лепке личности и даже, совсем уже непостижимым способом, влияя на восприятие мира вполне уже взрослых людей.

Бомба по фамилии Тургояк

Жевательная резинка даже больше, чем джинсы, воздействовала на юных людей как сакральный объект – подобно метеориту, оказываясь вестником иного, горнего мира, артефактом, позволяющим прорваться к реальности. Или хотя бы убедиться в её существовании. Вкладыши, обёртки от пачек, от кубиков и пластинок обменивали и продавали, ими спекулировали, и именно на них выстраивали небоскрёбы репутаций. Вокруг этого недоступного изобилия всегда вертелись подозрительные личности и непроверяемые легенды.

Например, о том, что жвачка не переваривается желудочным соком. О том, что ЦРУ специально завозит в СССР блоки резинок, заражённых сифилисом или туберкулёзом⁷, а то и начиняя мятные да апельсиновые пластинки с Дональдом МакДаком на фасаде (а также все эти бесконечные «Тутти-Фрутти», «Джути Фрут») иглками или крошечным бритвенным лезвием. О том, что иные химические вещества, входящие в состав бублгума, способны довести до самоубийства.

Так что заход Тургояк был по-шпионски просчитанным. Зачем-то безупречным. Узнав, что, несмотря на subtilность фасада, Вася – завзятый, темпераментный собиратель (коллекционирование – почти всегда ключик к чужой душе), она, покуда грузчики ходят мимо со связками книг и мешками, куда мама сложила одежду, показывает парню собственные секретники – тщательно отобранную коллекцию вкладышей (все – в идеальной сохранности: точно вчера развернутые, хрустящие новенькими червонцами) с приключениями утят. Тем более что у неё есть даже такой раритет, как гладенький фантик под названием «Бомба», которого Вася никогда не видел лично, но лишь слышал от более опытных коллекционеров, что такой-де имеет хождение. Это же всё равно как Грааль найти.

Маруся сладостно убаюкивает облаками внимательных слов, раскладывая перед ним и перед его кухней Любовью, вызванной для помощи в переезде, свои типографские сокровища, из-за чего чуть позже, когда вещи уже сложены по пустым комнатам и все, сидя на ящиках и тюках, пьют чай, кухня задумчиво и даже с какой-то завистью заметит:

– Такое ощущение, что Маруся так к нам прониклась, что обязательно подарит «Бомбу».

Пустые комнаты

Тут вот что важно: чаще всего жители спальных районов переезжают на чистое место – многоподъездные хрущобы относительно свежее, недавно построенное жильё, без долгой истории. До того, как Вася с родителями переехал сюда, в их квартире функционировало женское общежитие (из-за чего карма неженатых и разведёнок долго аукалась по ночам), а до этого на их первом этаже вообще ничего не было. Это в европах есть «старые деньги» да непрерывность вещного мира, тогда как советские люди сплошь и рядом бесстрашно осваивают новые пространства, начиная их с нуля судьбами собственных тел.

Семейства Пушкарёвых и Тургояк существовали на Куйбышева со времен Просторной, то есть с самого сотворения пыльного, сонного мира, лишённого предопределённости всех предыдущих поколений. В углах этих комнат, обживаемых в плавные семидесятые, нет ни страдания, ни радостей, здесь еще не накоплены тени и сны, заново создаваемые каждую ночь из ничего, из складок повседневного существования, только-только складывающегося на обобщённых глазах тысячеглазки.

⁷ Так вот откуда в городе вспышки этих адских заболеваний, про которые на втором, областном телеканале, сразу после новостей, показывают передачу «Подросток в трудной ситуации», чередуя её с другой, не менее актуальной программой, «Если прозвучит тревога», про нормы Гражданской обороны.

Такие квартиры даются передовикам производства или пронырливым персонажам, каким-то образом вписавшимся в многолетние очереди на получение жилья. Относительно молодые люди, занимая двушки и трёшки⁸, в которых заводилась новая семейная жизнь и начинали появляться дети, могли считать себя хребтом советского общества. Они и считали.

Скатертью дорога

Стариков в таких кварталах было совсем мало, их перевозили из деревень для пущих «квадратных метров» или по каким-то иным, не слишком приятным житейским обстоятельствам. Покуда бабушки или дедушки были в силе, то по своей воле они старались не переезжать в эти однообразные районы, но, пока получалось, жили со своими старорежимными представлениями на воле.

Таких стариков на скамейке часто высмеивали в юмористических передачах, вместе с сантехниками и мужьями, неожиданно вернувшимися из командировки, так как критиковать в Советском Союзе можно лишь «отдельные недостатки», не складывающиеся в систему, что-то совсем уже беззубое и рядовое. Несмотря на то что «развитой социализм» построили на костях предыдущих поколений, от которых не осталось почти ничего, ни тени, ни даже памяти, неприкаянные, всё потерявшие старики у подъезда, осколки времён, с мутными историями про Великую отечественную борьбу с космополитизмом или Эпоху великих строек, казались пришельцами из другого, потустороннего мира.

Вот и вместе с Васей на Куйбышева переехал дед Савелий, папин отец, «пекарь из Капустян», недавно похоронивший бабушку, резко дряхлевший и не способный ходить за собой так, как раньше. Теперь, вместе с бабой Пашей и другими старухами, дед Савелий частенько сидел на лавочке возле подъезда, больше молчал и слушал, о чём говорят свежеприобретённые товарки. Состав их был стабилен, примерно так же, как у и девчачьего кланчика (чужие тут не ходят), а если и изменялся, то в сторону «естественного убытия», растворявшего людей в прелом воздухе без какого бы то следя.

Если, конечно, не считать за следы гвоздики или, следуя сезонным изменениям, тюльпаны с надломленными стеблями, экономно (так рассчитать, чтобы на всю церемонию хватило) разбросанными по щербатому дворовому асфальту⁹.

Бриллианты Инны Бендер

У Инны Бендер из второго подъезда, редкий случай, были и бабушка и дедушка, жившие в одной квартире с дочкой Бертой и внучкой Иннушкой. Иннин папа, занимавшийся фарцой, однажды исчез, оставив семье пачку фирменного винила, посмотреть на который Инна водила друзей как на экскурсию: таких заграничных («импортных») сокровищ, кажется, не было, да и попросту не могло оказаться, ни у кого в округе. Западные диски хранились в верхнем ящике рассохшегося секретера, и каждый из них был обтянут целлофановой плёнкой, предохраняющей лакированные обложки с ликами Джо Дассена, «АББЫ» или Ива Монтана от советской сермяги.

Васе почему-то особенно запомнился именно его французский двойник, раскладывающийся точно альбом. Нужно было попросить Инну снять защитную плёнку; немного поломав-

⁸ Пожалуй, главные социальные различия в СССР начинались с количества комнат, у Тургояк и Пушкарёвых были двушки, у Васиных родителей – трёшка, а где-то, говорят, водились и четырёхкомнатные хоромы, но только не в их доме, не в их районе, предназначенном не для среднего, но для усреднённого рабочего класса.

⁹ Его ежегодное латание, ощутимо ухудшающее общее состояние тротуара, – отдельная животрепещущая тема сатириков и юмористов.

шись, совсем как уже взрослая женщина, Инна всегда шла на уступки и мастеровито снимала оболочку, показывая внутренности картонной упаковки – яркий дизайн, от которого восхищённо замирало сердце, изысканное оформление самих дисков, центральный пяточок которых с эмблемой лейбла и названием песен никогда не повторяли узоры (в отличие от пластинок фирмы «Мелодия», кругляши которых были сделаны как под копирку, что для эстрады, что для классики, что для сказок).

При виде фирменных дисков экскурсантов (особенно Васю) охватывал священный трепет, тем более что квартира Инны была обставлена предельно скромно, а там, за прессованной древесиной серванта, хранилось живое, но молчаливое чудо, непонятно каким образом занесённое в Чердачинск из далёкой галактики, существование которой вот только так и проявлялось.

Заначка

А тут эту неземную реальность можно потрогать руками, стараясь не шуметь, не разбудить двух стариков в соседней комнате, точно дети не пластинки рассматривают, но играют во взрослый секс, о существовании которого пока и не подозревают.

Однажды, когда Вася зачарованно разглядывал диски «Бони М» или «АББА», дверь отворилась и серая, точно недорисованная, старушка проскользнула на кухню, а вслед за ней, опираясь на стену, показался хромой и небритый, ещё более серый (хотя в фигуре его пастельные тона загустевали уже в полную чернильную непроницаемость) и непрорисованный старик. Угловатый, как на антивоенном плакате. Кажется, он даже не посмотрел на детей в гостиной, которые, разумеется, не могли вести себя тихо, как ни старались. Этот дед почти никогда не выходил на улицу, а если и выходил с клюкой, то почему-то почти всегда в демисезонном пальто с поднятым воротником, даже если на улице лето, жарко и детвора играет в штандер.

Устремившись за женой на кухню, Инин дед на некоторое время замешкался в дверях и Вася, оторвавшись от любования Бенни Андерссон и Анни-Фрид Лингстад, однажды виденных в «Утренней почте», проник взглядом в их обиталище, похожее на склеп. Заглянул за сгорбленную фигуру. Казалось, это даже не комната, но камера предварительного заключения, тёмная и пустая, с иным освещением и составом воздуха.

Когда окно на стене *нарисовано*. На Васю дохнул замогильный хлад окончательно прожитых, неудавшихся жизней, лишённый не только радости, но и любых эмоций, надорванный и полуслепой.

Квартира контрастов

– О, бундовцы вылезли на прогулку!

Внучка выкрикнула вслед старикам, как выстрелила, отвлекшись от ритуала с винилом, будто бы пытаясь разрядить обстановку. Но вышло ещё хуже, так как слова свои Инна не крикнула даже, но взвизгнула, взвившись едва ли не до потолка (такая уж она была высокая и худая, с волосами жесткими, курчавыми, совсем как на взрослом лобке, и крючковатым носом), из-за чего стало понятно, что именно этого появления стариков она опасалась больше всего.

Вася пожегся, вспомнив маминых родителей, легко и свободно живших в домике на окраине Чердачинска. Они всегда радовались, когда Вася их навещал, хлопотали вокруг него, стараясь угодить любой прихоти, внимательные и говорливые (особенно баба Поля), поэтому предки Инны, по контрасту, казались ему вестниками совсем другого мира, таинственного, непонятного, сумрачного и чужого.

Внучка их попросту стеснялась, причём даже больше фамилии своего пропавшего отца (Бендер), похожей на неумный эстрадный псевдоним, и откликалась лишь на фамилию мамы

(Бердичевская), как ей казалось более нейтральную, менее еврейскую. Прикрываясь тем, что отец их оставил и поэтому якобы логичнее и правильнее жить под фамилией Берты. Хотя все, разумеется, знали, что, по классному журналу, она Бендер, а никакая не Бердичевская, так что можно не идти у дурочки на поводу, а звать её так, как закон велит.

Самое простое приключение

Вася уже любил свой подъезд, знал, как он пахнет. Вася испытывал странное волнение, попадая в другие подъезды чужих домов. Впрочем, даже на площадке этажом выше, где жила Тургояк, или же на пятом этаже, куда он ходил к Пушкарёвой и где лестница заканчивалась, упираясь в площадку верхнего этажа, пахло не так, как на площадке у них, чужими супами да судьбами.

Вася улавливал разницу всех этих людских ареалов, неосознанно метивших территорию ароматами частного существования. Он вёл себя как зверёк, считывающий незримую информацию о невидимых людях, притаившихся за закрытыми дверьми в полумраке прихожих и спален: вот он и продвигался по дому, точно внутри тяжёлой книги, раскрытой на ненужных страницах.

Другое дело, что знание, получаемое о соседях, не было кодифицировано и, в отличие от лестниц, никуда не вело и не приводило, неотвязное и настойчивое, тем не менее, считываясь автоматически.

Оказаться у Инны во втором подъезде – уже приключение, требующее отдельной сосредоточенности; здесь же всё неуловимо иначе и совсем не так, как у Васи дома, то есть буквально за общей стеной.

А тут ещё эти полустёртые предки и их берлога, то ли вход в другое измерение, то ли несчастный тупик.

Жители советского лимба

В миг появления стариков Васю так пробрало до костей это *инобытие* в ожидании смерти (о которой, впрочем, он не думал и не знал, как и о сексе), что чуть было не выронил из рук фирменный двойной винил. Инна, увидев его реакцию, заверещала ещё пронзительнее и громче. Точно она – птица, подстреленная на чьей-то охоте.

– А ты знаешь, что дочка Нонны Бодровой осталась в США, Валентина Леонтьева – агент ЦРУ, а настоящая фамилия Пугачёвой – Певзнер?

– Ты хочешь сказать, что она еврейка, что ли?

– Все гениальные люди – евреи. Как Высоцкий, как Чарли Чаплин или как... Владимир Ильич Ленин...

– Да это ты уж, Иннушка, брось.

– Правда-правда, по матери его фамилия – Бланк, не знал?

– Да откуда ж нам сирым да убогим. А какая, Инна, у тебя фамилия по матери?

– Бердичевская.

– А по отцу?

«Les feuilles mortes» («Опавшие листья»)

Инна начала нести совсем уже что-то невероятное – про эмиграцию в Израиль и про отказников, которых ждут почему-то в Вене...

– При чём здесь Вена?

Больше всего лепет её напоминал жонглирование выхолощенными, ничего не значащими абстракциями: страх перед отцом, чьими дисками она хвасталась, пока никто не видит, был гораздо сильнее неловкости за неухоженных стариков, словно бы просочившихся из неписаного советского прошлого, как из «Божественной комедии» Данте, в безудержно оптимистический строй десятой пятилетки.

Впрочем, на появлении подпольных стариков приключения не закончились. Вестники иного мира ещё только-только скрылись на кухне, как задребезжал входной звонок. Застигнутая врасплох, Инна встрепенулась, стала метаться по гостиной, точно голая: патронажная сестра Берта не возвращается столь рано со службы, тогда кто?

Вася, подхватив вирус волнения, самый кончик истероидной дуги, хлестнувший его по щеке, тоже начал торопливо складывать диски в хранилище секретера. Но получалось у него это неловко (ростом не вышел), по одной пластинке на вытянутых руках, будто бы спасаемых от наводнения. Так, с двойником Ива Монтана, патлатый товарищ Бендер, зашедший по каким-то своим спекулянтским делам на квартиру к дочке, его и застал.

Подпольный обком действует

Выглядел товарищ Бендер совсем уже странно, точно инопланетянин, вырезанный из какого-нибудь матового журнала и вклеенный в бытовую сермягу: болоньевая куртка и узкие джинсы (редкость необычайная) завораживали примерно так же, как усы и неприбранный грива, которую он, будто бы подражая Валере Леонтьеву, завивал в мелкие жёсткие колечки.

Всё это, словно бы навязанное кем-то со стороны, так сильно ему не шло, что окончательно лишило Васю воли, даже помимо осознания своей греховности. Ведь он, чужак, вторгся на территорию его частной собственности, где и манипулировал сакральными объектами, чего Иннин отец будто бы не заметил.

Сделал вид, конечно, так как мимика у товарища Бендера оказалась подвижной и отражала всё, что пёрло из него, помимо жестов и слов. Брови металась по лицу голодными мотыльками, глаза то сужались, то распахивались, как полы пальто у эксгибициониста, нос, совсем уже по-лошадиному, хищно раздувал ноздри.

– Это мой друг Вася...

Тут Инна пролепетала Васину фамилию, внезапно показавшуюся Бендеру знакомой. Начались вялые расспросы. Краем глаза Вася видел, как Инна приходит в себя, как если она больше не чайник, поставленный на газовую конфорку, и температура внутреннего кипения её начала резко падать, пока не вернулась к комнатной.

О пользе воспоминаний

Раньше, ещё до того, как ввязаться в подпольный бизнес, заложник семейной неприимчивости, не находившей исхода в тусклой советской действительности, товарищ Бендер (теперь бы, конечно, он точно стал мультимиллионером, а быть может, уже и стал) учился в мединституте. Примерно тогда же, когда и Васины родители, блиставшие в студенческих компаниях шестидесятых, вот он что-то такое, с пятого на десятое, услышал, а теперь, во спасение Инны от порки, вспомнил. Впрочем, судя по его бровям и ноздрям, трепетавшим как на бегу, мысли об институте, откуда его вышибли после какой-то тёмной истории, особой радости не вызывали.

И всё же... И всё же...

Глаз товарища Бендера затуманили беглые воспоминания; он словно бы уснул на пару секунд, осел внутрь себя, где, сменяя друг друга, облаками по небу, наскоро сбитые, проносились картины прошлого.

Зубодробительная скука первых пар. Голодно, холодно, за окном – зимняя уральская мгла. Стёкла как будто отсутствуют, но в лекционном амфитеатре, обитом деревянными панелями (когда-то это выглядело дико продвинуто и модно), спертый воздух и безликие соученики, лица которых не припоминаются даже при усиленном питании. Ссохшийся сочень. Дешевый портвейн в облезлой общаге на улице Воровского. Первые приводы в милицию, но главное – тоска беспросветности, вылезти из которой позволяли лишь заграничные вещи, так сильно манившие лоском и обещанием праздника наполненной, полноценной жизни.

Нехорошие эмоции

От безысходности Вася мечтал поскорее убраться из странной квартиры подобру-поздорову.

– А я сколько раз тебе говорила, что не надо к Бендерихе ходить...

Он уже слышал, как Маруся Тургояк торжествующе подзадоривает его при встрече, когда всё благополучно закончится. Когда всё. Благополучно. Закончится. В последнее время вот и Лена Пушкарёва опасно сблизилась с Инной, учившейся параллелью старше (особых звёзд не хватает, у соучеников авторитетом не пользуется, в школе выглядит дикой и необъезженной), после занятий их несколько раз видели вместе. Вот и Вася, поднимаясь на пятый этаж за новыми книгами, всё чаще и чаще встречает Инну у Пушкарёвых. Там и про тайные диски она им рассказала, чтобы теперь Васю пристально рассматривал товарищ Бендер.

Тургояк явно ревнует – фантастика ей точно неинтересна, Инна попросту неприятна. Маруся любит властвовать и владеть ситуацией, «держать шишку», когда всё подконтрольно и ничего не ускользает от взгляда, а тут непонятный «союз трех», объединённых какими-то умозрительными материями. Непорядок. В школе, на уроках и на переменах, всё с Пушкарёвой было как раньше, а вот потом, в «свободное время», Лена начала ускользать и дистанцироваться от главной подруги. Кому такое выйдет по нраву?

– Мой папа Ив Монтана очень даже любит.

Вася вспомнил отца, глядя прямо в глаза товарищу Бендеру и намеренно превращая многообразие в твёрдую красную точку.

– Отцу, кстати, привет. Нужно его навестить. Вспомнить былое. Вот тебе, мальчик, шоколадка «Пальма». Слышал когда-нибудь про пальмовое масло? Она из него сделана – прикинь, из настоящей африканской пальмы...

Вася кивнул непонятно чему, не глядя сунул мягкую плитку в карман. Пулей выскочил в коридор, мельком увидев стариков на кухне. Дед сидел за столом, бабушка нависала над ним с ложкой, но оба застыли, не двигались. Вася так торопился домой, точнее, сначала на улицу, вон из чужого подъезда, что тут же про *всё это* забыл. Дома вытащил «Пальму» из кармана, когда она превратилась в кусок пластилина.

Не ждали

Через пару дней в дверь их квартиры позвонили, Вася пошёл открывать и, к удивлению, скрыть которое было невозможно, увидел товарища Бендера. В руках тот держал прямоугольник, аккуратно завернутый в газету «Правда».

– Отец дома?

Вася молча закивал, радуясь, что этот визит не по его душу и можно переложить тяжесть общения с непонятным человеком на кого-то из старших. Вызвал отца, сам же скрылся на кухне, где мама готовила борщ.

– Кто там пришёл?

– К папе.

Вася сказал это как можно нейтральнее: мало ли какие у взрослых дела.

– А кто?

– Отец Инны Бендер.

– Да? Чего это вдруг? Он же их вроде бросил.

Мама, конечно, немного знала о судьбе Берты, работавшей в той же медсанчасти, что и она. К тому же самым странным образом дед Савелий неожиданно сошёлся с Инниными стариками во время их редких вылазок во двор. Вася и сам пару раз, возвращаясь из школы, видел, как дед Савелий изменяет старухам и лавочкам первого подъезда, расположившись возле второго в компании недорисованных соседей.

– Говорит, что вместе с вами учился...

Разговор требовал продолжения, но Вася не смог найти других слов, выдав дополнительную информацию и тем самым свою вовлечённость в ситуацию. Однако мать этого не заметила, думая о другом, молча пожала плечами.

Философия фамилии

Их разговор прервался, подвис, так как в этот момент на кухню ворвался нарочито перевозбуждённый отец, за которым, в другом конце коридора, маячил товарищ Бендер.

– Нина, ты знаешь, наш сосед Бендер, оказывается, учился вместе с Васей Каренкиным, представляешь?

Вася никогда не видел отца в таком состоянии: тот говорил громким, неестественным, по-театральному взнузданным голосом и, при этом зачем-то отчаянно жестикулировал, точно пытался разгрести воздух, застоявшийся в проходе на кухню. Мама (волосы коротко подстрижены, как у модной девчонки, над правой бровью родинка), взглянув на мужа, мгновенно оценивает ситуацию и бросает готовку, чтобы прийти на помощь. Она же видит, что отцу крайне неловко, и принимает удар на себя, выдавая одну из своих самых обворожительных улыбок, делающих её так похожей на помолодевшую Бриджит Бардо.

– Правда, с Каренкиным?

Как если оно ей надо. Секунду назад она даже не помнила, кто это, но теперь, дуэтом с отцом, заливается воспоминаниями, так до конца и не понимая, чего от них хочет этот хмурый сосед, которого она никогда не видела раньше.

– А ты знаешь, что именно в честь Каренкина тебя Васей назвали?

Неожиданно отец обращается к сыну. Вот и его задействовали, посчитали. Вася смотрит ему в глаза, туда, где в бездонной растерянности плещется злоба. Что не так?

– Правда?

Вася готов поддержать непонятную родительскую игру, из-за чего тоже начинает говорить как они – неестественно и выше тональностью, чем привык. Разыгрывать балет каждой фразы. Ну да, как в театре.

Половина мотороллера

Нина предложила гостю чая, тот отказался. Причём как-то резко – видно, что ему скучно и совершенно не нужен чай или тем более чужие воспоминания. Почти сразу ушёл. Васе показалось, хлопнул дверью на прощанье, раздосадованный. Или это отец так желал избавиться от непрошеного соседа, что поскорее да по сильнее отрезал ему путь к возвращению. Или с собственной неловкостью разобрался самым что ни на есть темпераментным способом – уже даже не как в театре, но совсем как в кино.

На кухню он вернулся уставший, обмякший, точно после ночного дежурства, и на немой вопрос жены, в котором не было ни укора, ни любопытства, тихо, совсем тихо, давась словами, ответил:

– Двести пятьдесят рублей. Он принёс нам продать двойник Ива Монтана за двести пятьдесят рублей. Фирма гарантирует – экземпляр коллекционный, безупречный. Это Васька ему посоветовал – отец, мол, интересуется. Может быть, и интересуюсь, но не до такой степени. Это же... две моих месячных зарплаты, вместе со всеми дежурствами и приёмом в поликлинике.

На что мама ответила совсем уже нелогично, вспомнив другого давнишнего папиного знакомого:

– Твоих две, а моих – так все четыре. А ведь всё это звучит ещё даже печальнее, чем Валера Фугаев... Я же сначала подумала, что это именно он к тебе снова зашёл...

Улитка на склоне

Валера Фугаев, бывший соученик по медицинскому, жил в пятиэтажке напротив, сильно пил, несмотря на дочь-отличницу и жену Свету, которая каждый раз, встречая Васиных родителей, отводила глаза в сторону. Ей было стыдно за мужа, который всегда был отличником, а потом чемпионом по боксу, любил японскую поэзию и красиво ухаживал. Но быстро опустился, стал пропивать вещи, таскать из квартиры книги, тряпки. Папа намекал, что причины – в «мужских проблемах», настигших из-за злоупотреблений спортивными препаратами, но в чём суть этих проблем, Васе не объясняли.

Симптом между тем нарастал. Пару раз Фугаев предлагал что-то купить отцу и даже маме. Те, разумеется, отказывались, предлагая деньги взаймы «просто так». Но не червонец с Лениным и даже не сенильный пятак, а мятую зелёную трёшку. Большой филантропии родители позволить себе не могли, а Фугаев ничего и не требовал. Улыбался в ответ, молча топтался в прихожей (после того как жена Света и дочка-отличница съехали в неизвестном направлении с Куйбышева, от него стало совсем дурно пахнуть, запах этот долго не выветривался из прихожей), обнажая беззубый рот.

Васе он как-то сказал, что лишился зубов, ещё когда занимался спортом. Но Вася ему не поверил: он помнил дядю Валеру с зубами, а главное, непьющим, довольным жизнью, подтянутым и незагорелым. Несколько раз встречался с ним в букинистическом, причём Фугаев так глубоко погружался в содержание полок с философией, что никого вообще не замечал вокруг.

Мама, продолжая докручивать в уме ситуацию с соседом, всё никак не могла успокоиться:

– Бедный Фугаев... Как он любил средневековых японцев... Китайцев ещё... и корейцев... которых Ахматова, кажется, и переводила...

И действительно, долгое время фамилия Фугаев почему-то прочно ассоциировалась у Васи с Фудзиямой.

Приготовление к ритуалу

Он оказался принят Леной и Инной в «свои» после одного мистического обряда. Его Пушкарёва провела в туалете своей квартиры, так как лишь здесь можно было достичь полной темноты, необходимой для проведения ритуала. С одной стороны, комического и игрового, но, с другой, чем чёрт не шутит, возможно, гном, которого выманивали хлебом с солью да водой, заявится и наделит соседей волшебством?

Лена, по крайней мере, в это искренне верила, что для Васи, прежде всего ценившем в людях рацию, казалось удивительным. Он-то шёл за компанию. Ну и вообще. Из любопытства и непонятной тяги быть ближе.

Бендериха, когда они закрылись в уборной и глаза их начали привыкать к темноте, нервно хихикала и, что даже без света ощущалось, наэлектризованно извивалась. Ну да, туалеты в хрущёбах маленькие, воздух в них спёрт, любое движение (тем более колыхание) материи мгновенно передаётся другим.

А Лена ещё все дверные щели газетой законопатила, чтобы уж наверняка. Чтобы гном точно пришёл. Так как его появлению предшествует медленно проявляющееся свечение, выползающее откуда-то из-под унитаза, где обязательно есть какая-нибудь щель, ведущая прямо в подземное царство троллей и прочих сказочных существ мелкоскопического роста.

Бытовая магия

Значит, нужно набиться в тёмное помещение, затворить за собой дверь, закрыть все возможные источники света. На блюдечке у ведущего должны быть кусочки хлеба (в данном случае слегка подгулявшего кирпичика за 14 копеек) с солью, кружка воды. Ведущий ест хлеб первым, запивает его глотком воды, после чего произносит заклинание

Хлеб, соль, вода,
Гном, иди сюда,
Нам нужно три волшебных палочки...

Последняя строчка, впрочем, вариативна и может меняться в зависимости от числа участников или же их желаний. Вася участвовал в сеансе выкликания волшебных палочек универсального свойства, способных исполнить *любые* желания в *любом* количестве. Прагматичная Пушкарёва решила не мелочиться, выбрав самую ёмкую формулу – каждому по волшебной палочке, не меньше.

Дальше, по кругу, все причащаются к сокровенной еде и питью, каждый участник съедает кусок хлеба с солью (показавшийся Васе в тесноте и в духоте особенно вкусным), проглатывает глоток воды, произносит заклинание, после чего все начинают вглядываться в темноту.

Инициация по-советски

Она, разумеется, начинает расползаться и светлеть. Особенно в одном из углов, будто бы из-под внутреннего журчания водопроводных труб, жизнь в которых невозможно остановить, как течение времени. И вот уже видны смутные очертания единовериц, ощутимы их горячие токи, проникающие в самую сердцевину уже не сознания, но самого Васиного существа.

Поверх дыхания чужого санузла он ощущает запахи их перевозданных тел, упрятанных под одежду, где они продолжают, гладкие и горячие, токающие в плавных изгибах, низинах и незаметных прогалинах. Он слышит, как бьются сердца, как кровь разносит по организму желание пока ещё несформулированного счастья, ни в одной из уличных игр Вася не был с девочками так рядом.

Небольшое замкнутое пространство спелёнывает их в единый кокон, который более не разделить, по крайней мере в ближайшее время, – что бы ни происходило на поверхности, внутри, в глубине навсегда остаётся единство ожидающих гномика (кстати, как же он выглядит? Как непропорционально маленький человек с доброй гримасой? А если со злой?), трудно объяснить или поверить, но это так.

В башне под самой крышей

Ритуал повторяют пару раз. Хлеб съеден, воздух выпит, гном задерживается где-то в межэтажных перекрытиях, напряжение нарастает вместе с духотой. Вася чувствует, как, подобно спелым ягодам земляничной поляны, на телах Лены и Инны выступают капли пота. У него пот другой, плотный и крепкий, неуютный какой-то, тогда как терпкие земляники девчонок хочется собрать в жменю, чтоб ими умыться. Освежиться.

Хлеб, соль, вода,
Гном, иди сюда,
Нам нужно три волшебных палочки...

Первой не выдерживает («раскалывается», как говорят актёры) Инна, самое слабое (в каждой компании обязательно есть такое) звено единой цепочки. Начинает хихикать и биться о дверь, точно в падучей, серьёзность, необходимая для посвящения, оказывается напрочь утрачена. Пушкарёвой ничего не остаётся, как прекратить процедуру. Она толкает дверь, трио вываливается наружу, день ослепляет всех пронзительным светом.

Вересковые пустоши

Что они делали там, втроём на пятом этаже, под самой крышей, в квартире, забитой книгами и пахнувшей хомячками? Никто не знает и уже не узнает, не вспомнит.

Например, Инна Бендер хотела стать певицей. У неё действительно сильный, пронзительный голос, который она демонстрирует при всяком удобном, но чаще неудобном случае. Будто забывшись, она вдруг начинает петь – и тогда словно бы преобразается – выпрямляясь, точно внутри вибрирует туго натянутая струна. Лицо Инны разглаживается, становится само-забвенно красивым.

Обычно Инна копирует Аллу Пугачёву, которая в то время имела, кажется, отношение к каждому человеку в Советском Союзе. Точнее, каждый житель советской империи имел к Пугачёвой собственное, сугубо личное отношение.

А у Инны к тому же лились и вились волосы совсем как у певицы на обложке пластинки «Зеркало души», переворачивавшей сознание – ведь раньше, до Пугачёвой, никто в СССР не подозревал, что можно петь так, что ли, чисто и так точно, от своего имени, без каких бы то ни было примесей «партии и правительства», «общественного идеала» и учёта посторонних людей. Пугачёва пела так, если она совсем одна на планете и голос – единственное, что может спасти её от тотального одиночества.

Зеркало души

Инна пела иначе. Глядя в окно последнего этажа, за которым, кажется, всегда распутица-весна или поздняя осень, она будто бы пыталась прислониться к внутреннему столпу голоса, самому сильному, что в ней было. Запевая, она закрывала глаза и начинала форсировать звук, что наливался объёмом и креп с каждым мгновением, становился едва ли не видимым, материальным. Инна точно пыталась раствориться в этом звучании, перелиться в него, отдать ему всю свою детскую плотность.

Вася рисовал Инне концертные костюмы, из того, что видел в «Мелодиях и ритмах зарубежной эстрады» или у Аллы Пугачевой, чьи достижения казались ему такими же манкими, как глянцевый импорт на дисках из коллекции товарища Бендера. Ведь даже на пустейший

фильм «Женщина, которая поёт» с Пугачевой в главной роли, шедший во всех кинотеатрах и ставший лидером годового кинопроката, было невозможно попасть: билеты отсутствовали настолько хронически, что становилось странным, что кто-то вообще сподобился попасть в зрительный зал.

Профком медсанчасти, где мама работала, выделил ей, передовику производства, всего два билета в периферийный кинотеатр «Искра», куда мама и пошла вдвоём с сыном. А на единственный в истории Чердачинска концерт Пугачёвой и группы «Рецитал» (отчего-то певица не слишком жаловала этот промышленный и культурный центр и на гастроли сюда не торопилась) в громадном дворце спорта «Юность» они даже и не мечтали попасть – такая в городе царилла напряжённая ажитация, неподконтрольная погоде и, тем более местным властям, что даже соваться в район «Юности» на время гастролей АБП казалось опасным.

Между прочим, обладая коллекцией западных дисков, Инна была гораздо ближе к гламурной эстетике, чем все остальные соседи, но каждый раз выходило так, что именно Вася понимает во всём этом шоу-бизнесе (тогда и слов-то таких, правда, не знали) больше подруг, вместе взятых. Подобно режиссёру, совмещённому с продюсером, он как бы ставил Инне концертные номера, глядя на происходящее глазами стороннего зрителя.

Песня не прощается с тобой

Инна постоянно напевала одну песню, задушевность которой переплеталась с официальнойностью. Вступая на её территорию, Инна внутренне преображалась, становилась в позу, более логичную для бронзового памятника. Она замирала, широко распахивала глаза, как если начинала смотреть на мир иначе. Не так, как раньше.

Ночью звезды вдаль плывут по синим рекам,
Утром звезды гаснут без следа.
Только песня остается с человеком.
Песня – верный друг твой навсегда!

Обычно этим шлягером десятилетней выдержки начинали и заканчивали итоговые концерты фестиваля «Песня года». Его смотрела вся страна, трансляцию вели из концертного зала «Россия», именно здесь и в этот самый момент неофициально назначали главного исполнителя сезона. Мысленно Инна переносилась туда, на самую важную сцену страны, для того чтобы, набравшись дополнительного воодушевления, перейти к пафосному припеву.

Через годы, через расстоянья,
На любой дороге, в стороне любой
Песне ты не скажешь до свиданья,
Песня не прощается с тобой!

Такие песни в Советском Союзе особенно любили – они выполняли роль отдушины: постоянный официоз надоедал, особенно в приватной жизни, а такие сочинения «советских авторов» позволяли вроде бы как расслабиться, но при этом не терять бдительности.

Отдушина

Однако своим неформатным исполнением Бендер разрушала железобетонный пафос песенной конструкции. Музыкально талантливая «от пуза», уже на втором куплете Инна сдви-

гала ритм сочинения С. Острового и А. Островского, всё более и более его приджазовывая, чтобы последние куплеты исполнять уже на территории свободной импровизации, враскачку.

В лютый холод песня нас с тобой согреет,
В жаркий полдень будет как вода.
Тот, кто песни петь и слушать не умеет,
Тот не будет счастлив никогда!

После чего Инна пускалась в плавный патриотический перепляс, словно бы иллюстрирующий навязчивость всех этих чужих мелодий и чужих слов, которому было явно мало места в пушкарёвской комнате, но танцевала она, угловатая оглобля, настолько неловко, что хотелось отвернуться или закрыть глаза.

Вася наставлял дебютантку так, точно за его спиной как минимум хореографическое училище; точно он единственный знает, как нужно. Эта уверенность, причём в самых разных жизненных сферах, и дальше вела его по жизни, делая более опытным, чем есть на самом деле. Вася будто бы знал know-how: как сделать всё максимально правильно и эффектно. Точно только для него одного существовала какая-то изначальная предзаданность единственно возможного оригинала, который возможно подглядеть одним глазком и, пока никто не видит, ретранслировать в окружающий мир.

Как важно быть несерьёзным

Впрочем, с подругами Вася позволял себе быть несерьёзным и много кривлялся, наставляя Инне. С некоторым недоумением он замечал, что в этом заступе на чужую территорию его никто не останавливает, воспринимает должным, и, таким образом, можно внедряться в подкорку той же Инне всё дальше и дальше.

Васе доверяли, а он пока не догадывался, что сталкивается здесь с важнейшей чертой женского мировосприятия, основанного на открытости и постоянных открытиях, позволяющих женщинам из-за родовой неуверенности развиваться и дальше, всю жизнь (в отличие от мужчин, рано закрывающихся от мира и быстро роговеющих внутри капсулы одномерной правоты). Ведь если ничего не впускать внутрь, невозможно оплодотворить свой сущностный центр и понести миру новую целостность, складывающуюся из заимствований и влияний, вливаний чужого начала.

Пушкарёва пристально наблюдает за их игровыми «репетициями», и совсем непонятно, что у неё, вечной молчуньи, страстно сжимающей первый том «Ярмарки тщеславия», на уме. Васе-то, разумеется, грезилось восхищение его вкусом и умом, демонстрируемым как бы исподволь и применительно только к конкретному поводу. Неопытный и самоуверенный в близком кругу, он ещё не знал, как люди умеют злословить за спиной, и тем более не понимал, что неосознанно выставляется талантами перед Леной, завоёвывая её уважение за счёт мягкотелости, податливости Инны.

– Инна, ну, ты и дура, хотя бы и Пугачёва...

Прекрасна без извилин

Однажды Вася как-то бросил соседке в сердцах глупую фразу, та запомнила, затем часто повторяла, но не по злобе, а оттого, что смешно. Да и на что обижаться, если Вася тут же нашёлся и исправился (вежливый же, воспитанный мальчик), «снизив пафос» обиды ласковыми стихами из одного журнала. Умел ведь. И знал когда. Инна на них запала, попросила записать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.